

ЧЕРНАЯ БЕЛКА

Я родился на асфальте. Впрочем, тогда и асфальт был не везде, только на центральных улицах. Жил я в большом городе и был обыкновенным городским мальчиком. Читал книги про охотников, которые одной дробиной попадают белке в глаз, чтобы не портить шкурку.

Зимой я часто встречал на нашей улице девочку в беличьей шубке, сшитой из маленьких пушистых шкурок. Сам я ходил в рваной телогрейке, в рваных башмаках. В такой одежде я кавалером себя не чувствовал и старался держаться в сторонке.

Я не знал, как ее зовут. Я любовался пушистой девочкой издалека. У нее были темные глаза с удивленными веселыми зрачками и острые белые зубки. Когда она улыбалась, сама становилась похожей на пушистого зверька. Я так и называл ее в своих мечтах:

— Белка!

Мне хотелось, чтобы она увидела меня, захотела со мной познакомиться. Но этого не случилось.

Много лет спустя, в Уссурийской тайге, где я проходил срочную службу, я увидел впервые живую белку. Мне казалось, что само название зверька «белка» — от слова белая. А эта была — черная. Меня это так поразило, что в первое мгновение я подумал, что сделал открытие — увидел неизвестного науке зверька.

Я был в солдатском бушлате, в солдатской шапке со звездочкой, с карабином за плечом. Охотиться из боевого оружия, тратить боевые патроны нам, солдатам срочной службы, не разрешалось. Но я решил все же добыть черную белку. Стрелял я не очень хорошо. Первый выстрел был неудачный. Белка, прыгающая до этого на нижних ветках и глядящая с любопытством на меня черными глазами-бусинками, стремительно взвилась вверх.

Я принялся торопливо стрелять. Она пряталась от меня за стволом дерева. Но все же четвертым или пятым выстрелом я ранил ее.

Белка сорвалась с верхних веток кедра и, кувыркаясь, пролетела несколько метров; густые ветви задерживали падение.

Черный пушистый зверек был еще живой, он пополз вверх по стволу, лег в развилке между толстых веток и затаился, а, может, умер? Я зарядил новую обойму. У меня дрожали руки. Я стрелял, осыпался снег с веток, а белка не шевелилась. У меня осталось всего два патрона. Я отошел от кедра. Поблизости росла низенькая березка. Я обломал ветви так, чтобы можно было положить ствол карабина в развилку и стрелять с упора. После этого я тщательно прицелился, нажал на спуск, затаив дыхание, как меня учил сержант, и увидел: черный комочек подбросило и белка, ударяясь об ветки, но уже не цепляясь за них, стала падать вниз. Она тяжело шлепнулась в снег. Я подбежал, подобрал ее. Одна лапка была срезана пулей, вот почему белка после моего второго выстрела могла только ползти и не могла уже прыгать. А последним выстрелом я продырявил ее насквозь. На выходе пуля разворотила маленькое тельце зверька, испортив шкурку, сделав непригодным ни для чего мой охотничий трофей. Все же я принес черную белку в расположение части. На небольшой сопке, среди деревьев была замаскирована машина с антенной. На радиостанции дежурил ефрейтор Мустафин, бывалый охотник. Он открыл мне железную дверь, я поднялся к нему в машину:

— Глянь, что я принес!

Я достал белку из кармана бушлата. Подкладка напиталась кровью и, вынимая зверька, я обе руки измазал.

Мустафин брезгливо посмотрел узенькими щелочками глаз на меня и на мои руки:

— Зачем белку убил?

— Это не белка. Белки — белые. А эта — черная.

— Белки бывают всякие.

— Нет, белки — белые. Я хорошо помню. У нас девчонка на улице ходила в беличьей шубке. Она была — белая.

— Здесь — черные, — жестко сказал Мустафин. — Есть коричневые, серые, когда линяют. А эти — черные. Выбрось, никому не показывай.

Но я уже и сам понимал: черный зверек, которого я убил, тоже называется белкой. Я спустился по железным ступенькам из машины Мустафина и пошел не по тропинке, а напрямик к тому месту, где мы выбрасывали мусор и объедки.

Над кухонным домиком поднимался дымок. Слышался стук топора. Кто-то из ребят колот дрова. Около ямы противно кричали сойки. Я их спугнул, бросив в яму изуродованного зверька. У меня было такое ощущение, что я выстрелил в свою память, в девочку в беличьей шубке.

ЗАГАДОЧНЫЕ СЛЕДЫ НА СНЕГУ

Мы жили на сопке, на небольшой площадке, вокруг которой шумела Уссурийская тайга. Кедр и сосны веками стояли на каменистых склонах. Тут же и умирали стоя. Кое-где возвышались голые деревья, без коры, с обломанными ветками, далеко заметные отовсюду.

Время от времени меня вместе с другими солдатами посылали заготавливать дрова для кухни. На грузовой машине мы спускались по каменистой колее мимо густых кустарников. Ефрейтор Мустафин сидел рядом с шофером в кабине и три-четыре солдатика в кузове. Подняв короткие воротники бушлатов, опустив у шапок уши, мы сидели, как большие птицы в гнезде, и смотрели по сторонам:

— Сухое дерево! — крикнул Витька Чернов. И мы начали стучать по кабине.

Машина остановилась, мы попрыгали на дорогу. Голый до белизны, обглоданный ветром кедр, потерял все ветви, кроме двух самых больших. Вместе с вершиной получился крест на фоне белесого неба.

— Давно стоит, нас дожидается, — сказал ефрейтор Мустафин.

Он дал мне пилу. Я полез с ней на сопку — валить сухое дерево. Мустафин с топором шел позади меня. Витька Чернов, шофер и еще два солдатика остались у машины.

Мы с Мустафиным сделали небольшой подпил со стороны дороги, чтобы дерево падало и катилось по склону к машине. Расширили подпил топором. Затем начали пилить с другой стороны, пока кедр не закрипел. Выхватив пилу, мы отскочили. Высохший до звона ствол качнулся и с оглушительным треском упал на камни. В то же мгновение кедр поломался на множество кусков. И все эти куски, подпрыгивая, перекувыркиваясь, покатались вниз по склону. Осталось их только подобрать и погрузить в кузов.

Один из кусков дерева острым обломанным концом выковырнул из снега какую-то железяку с пружиной и двумя железными дугами, зубцы которых плотно входили друг в друга.

— Капкан на крупного зверя, — объяснил ефрейтор Мустафин.

— На кабана? — спросил я.

Осенью неподалеку отсюда я встретил стайку кабанов. Они промчались мимо меня один за другим за своим вожакom, даже не заметив меня.

— На волка, рысь, росомаху, — объяснил Мустафин.

Железное зубастое устройство было привязано цепочкой к небольшому дубку. Капкан давно защелкнулся. Дуги заржавели, цепочка, обмотанная вокруг дубка, вросла в кору.

Я срубил дубок, освобождая цепочку, забрал капкан с собой.

У себя на сопке я отчистил его от ржавчины, научился разжимать дуги так, чтобы капкан можно было спрятать под снегом. Пробовал веточкой. Тонкую — зубастое железо перерубало. В толстую — капкан вгрызался зубьями намертво.

Место, где стояла наша казарма и кухонный домик, называлось Березовый перевал. Вокруг росли березы, и наши передвижные радиостанции стояли между ними, высовываясь к небу длинными антеннами. После дежурства я спустился со своей сопки по южному склону к небольшой речке, где мы брали воду из проруби. На той стороне лежало давно поваленное дерево. Внутри него от самого комля и до середины образовалось

просторное дупло. Я прятал в нем лыжи. Накануне выпал снег. Было отчетливо видно, что к моему дереву никто не подходил

На лыжах я двинулся вдоль реки на поиски следов крупного зверя. Следы зайцев попадались повсюду. Они меня не интересовали. Зайцы протаптывали между деревьями тропы. И так утрамбовывали глубокий снег, что по этим заячьим следам можно было идти не проваливаясь.

В этот день мне не повезло. Я не смог прочитать на снегу ничего для себя интересного. Птичьи и заячьи следы перемежались следами наших собак, в одном месте прошел изюбр, на которого охотиться было нельзя.

Через несколько дней, возвращаясь с дежурства, я забрел на самой сопке в неисследованное мною место. Неподалеку от северного склона, на продуваемом плато, росли редкие дубки и березы. Они находились друг от друга на расстоянии двадцати-тридцати метров. Это было далеко от жилья и машин с антеннами. Снег здесь почти до травы сдувало ветром, но там, где он задерживался, было видно, как от дерева к дереву ходил какой-то зверь. Он широко расставлял лапы и впечатывал в снег длинные, растопыренные пальцы. Но прыжок у него был короткий. На этом пути зверь нарыл несколько ямок в снегу.

Я походил между деревьями. Судя по маленьким следам полевок около ямок, хищник охотился на мышей. Здесь не было протоптанной дорожки, как у зайцев, здесь ходил один зверь.

Я выбрал место на его пути, где было побольше снега, и закопал капкан. Ночью выпал снежок, я радовался, что мои следы и капкан ровненько присыпало.

Через день пришел посмотреть. Зверь натоптал новые следы между деревьями, вырыл новые ямки. Но в том месте, где его поджидала моя зубастая железяка, он, видимо, что-то учуял, может быть, запах железа, и длинным прыжком перемахнул через капкан. Это хорошо читалось по следам на снегу: мелкие, мелкие прыжки, ямки, и вдруг — длинный прыжок.

— Хорошо, — подумал я. — Ты любишь прыгать, я заставлю тебя прыгать.

Солдатским тесаком отколупнул два куска черной дубовой коры, измерил расстояние прыжка и воткнул в снег кусочек коры перед капканом и позади капкана. С какой стороны не побежит, наткнется на препятствие. И надо будет преодолевать его прыжком.

Только через два дня я смог прийти на плато. Еще издали увидел: что-то чернеет в снегу. Я рассчитал все правильно. Встретив препятствие, зверь перепрыгнул его и угодил передними лапами в капкан. Я дрожащими руками откопал из-под снега зверька, разжал железные челюсти капкана. Отряхивая снег со шкурки, выковыривая его между искореженных лапок, я увидел, что держу в руках — черную белку, твердую, окоченелую.

Я думал: белки по земле не ходят. Я охотился на другого зверя, на хищника. Замерзшую, скрюченную тушку зверька я принес к нашей казарме. Спрятал в сугробе неподалеку.

Ефрейтора Мустафина я нашел в столовой. Он сменился с дежурства и только что поужинал.

— Пойдем, что покажу, — сказал я.

Мы вышли на улицу, я откопал тушку зверя, показал ему.

— Белка попала в капкан.

— Зачем? — спросил он.

— Она попалась в капкан, понимаешь? Белки живут на деревьях, а эта ходила по земле пешком. Шкурка не испорчена. Может, сделать из нее чучело? Поможешь?

— Из тебя самого надо сделать чучело.

— Я не знал.

— Белки зимой мышкуют.

— Как это?

— Как лиса. Лапками разгребают снег до травы, где мышьиные гнезда. Услышит писк, схватит и съест.

— Белки не едят мышей. Я нигде об этом не читал.

— Съест, мордочку почистит лапками — и на дерево.

— Ничего себе «Белка песенки поет да орешки все грызет». А она хищница, как лиса — мышами пытается.

Ефрейтор Мустафин посмотрел на меня долгим взглядом и ушел в дом. Мне было жалко загубленного зверька. Я снова спрятал белку в снег. Не хотелось признаваться, что я охочусь бессмысленно, от нечего делать. Она прыгала по деревьям и даже ходила по земле, такая ловкая и красивая, черная белка, а я ее погубил. Съесть не могу, шкурку снять не могу, чучело сделать не умею.

РЫЖАЯ БЕЛКА

Много лет спустя уже в мирной жизни, я встретился с этим зверьком снова...

В сентябре, перед очередной подпиской на газеты и журналы, мне позвонил редактор «Молодого коммунара» Евгений Дубровин.

— Ты давно был в лесу?

— Давно. Как демобилизовался из армии, с тех пор ни разу не был.

— Съездим в Борисоглебск? Мы там проводим читательскую конференцию. В защиту лесов и прочее...

Я знал: Борисоглебск — небольшой городок в Воронежской области, расположенный при слиянии рек Вороны и Хопра, окруженный лесами, знаменитыми корабельными рощами, где в петровские времена строители флота заготавливали мачты для парусников.

— С удовольствием поеду, — сразу согласился я.

Рано утром на следующий день за мной заехала редакционная «Волга». В машине, помимо редактора и шофера, находился еще один человек, поэт Станислав Никулин. Он трогательно пел русские романсы, и писал стихи о природе и женщинах с удивительной нежностью.

Не наяву, как в полусне
Оставив на земле усталость,
В полночной лунной тишине
Она у берега купалась.

А выйдя из парной воды
Вдруг над травой наклонилась —
И капелька с ее груди
Луною маленькой скатилась.

Едва я плюхнулся рядом с ним на заднем сиденье, Станислав крепко пожал мне руку, сказал, возбужденно поблескивая очками:

— В лес на лужайку?

К полудню мы были в Борисоглебске. Увидели пыльный городок с

невысокими обветшалыми домами. На центральных улицах — хилые, редкие деревья. Асфальт тротуаров потрескался, и в трещинах зеленела трава. В некоторых местах асфальт вспучился и приподнялся. Это напирало снизу, замурованные под городскими дорожками лесные грибницы.

— Это и есть — лужайки? — спросил Станислав Никулин. — Будем отколупывать асфальт, и собирать грибы?

— А это — корабельный мачтовый лес? — показал я на кривые, низкорослые рябинки у газетного киоска.

Евгений Дубровин посмеивался:

— Что вам надо? Лес вокруг города. Дышите глубже.

До начала читательской конференции оставалось немного времени. Мы забрели на местный базарчик. Он был пустоват. За прилавками стояли несколько скачущих торговков. На противоположной стороне грязной базарной площади толпились люди. Они что-то разглядывали у забора, низко наклоняясь. Мы двинулись к ним.

Старик в железнодорожном кителе и фуражке с молоточками составил перед собой клетки с птицами пирамидой и стоял за ними, время от времени присвистывая по-птичьи. Красноватые щеглы и зеленые чижи ему отвечали.

Старушка в белом платочке продавала козу.

Мальчик с лишаем на макушке продавал ушастого щенка неизвестной породы, которого держал на руках, бережно прижимая к себе.

Крайним стоял худой парень в кожаной куртке. Перед ним на земле стояли две клетки, в которых прыгали не птицы, а две рыженькие белочки. Здесь и толпились люди. Широкоплечий усатый дядя даже присел на корточки, чтобы лучше видеть зверьков. Он пытался просунуть сквозь прутья клетки толстый с прибитым (черным) ногтем палец.

— Ишь ты, — по-детски наивно улыбаясь, говорил он, когда белка отстранялась от его пальца и жалась к другому углу клетки.

Я тоже присел на корточки:

— Продаете?

— Пятнадцать рублей с клеткой, — ответил парень. И тут же присел рядом со мной на корточки, положил руку на клетку, заглянул мне в глаза.

— Бери! — сказал я.

— Это правильно, — возбужденно заговорил он, выпрямляясь и потирая руки. — Я сам работаю на «Скорой помощи». Белка в доме — лучше любого сердечного лекарства.

— Как вы их ловите? — поинтересовался я, доставая деньги.

— На любопытстве. Они очень любопытные. Беру их просто. Они — ручные. Все белки в нашем лесу — ручные. Вы правильно сделали! Купили себе радость! — кричал он мне вслед. — Не пожалеете!

Я нес клетку, плохо представляя, что буду делать со зверьком и клеткой. Белка не сидела на месте, она прыгала, и я воспринимал со странным чувством радости прыжки рыжего пушистого зверька, передающиеся через качающуюся клетку моей руке. Мне нравилось, что белка прыгает и клетка качается. Неожиданно для себя я рассмеялся. От прилавка винного павильона повернулся заросший колючей щетиной человек в помятом костюме. Он мрачно посмотрел на нас, весело шагающих, и спросил:

— Крысу что ли купили?

В номере гостиницы я первым делом вычистил клетку, выгреб шелуху от семечек и серые катышки, которые белка оставляла во всех местах,

где прыгала. Затем постелил на дно клетки газету. В кормушке еще много оставалось семечек, но рыжая красавица так быстро их щелкала. Станислав Никулин побежал на базар за семечками.

— Жареные не бери! — крикнул я ему.

Он остановился в дверях:

— Ты молодец, что купил это чудо.

— Ты тоже можешь. Там осталась еще одна белка.

— Нет, я не могу вот так взять и купить белку в клетке. А ты можешь. Я завидую тебе. Ты купил, поэтому ты — молодец. А я за семечками сбегаяю.

Он принес кулек сырых семечек. Мы засыпали их в кормушку и отправились на встречу с читателями газеты.

Вернулись поздно. Клетка стояла на подоконнике. Ее освещал слабый свет уличного фонаря. Белка на мелкие кусочки разорвала газету, сбила в кучу в одном углу и спала на них, свернувшись клубочком.

— Смотри, как быстро приспособилась! — удивился Никулин.

— Гнездо из газеты сделала, — сказал я.

— А ты не знал, что так будет? — спросил меня Евгений Дубровин.

— Нет.

— Как же ты собираешься держать в доме зверя, о повадках которого ничего не знаешь?

— Знаю. Я четыре года провел в Уссурийской тайге.

О своем печальном опыте я не стал рассказывать.

Наши разговоры разбудили белку. Она встряхнула ушами, высунула из бумажек мордочку, недовольно зацокала. Затем нехотя поднялась и начала методично прыгать из одного угла в другой.

Я поменял ей воду в баночке, постелил на дно клетки новую газету. Ключки, из которых белка соорудила в клетке гнездо, оставил нетронутыми.

— Ну, спать! — сказал Евгений Дубровин.

Мы начали укладываться. Забавно было смотреть на Станислава Никулину. Одна дужка его очков сломалась, и он приматывал ее к уху суровой ниткой. Перед сном поворачивался ухом к зеркалу и начинал отмащивать.

Поселили нас в необычном номере. Он состоял из огромной спальни, в которой стояла высокая деревянная кровать, укрытая ниспадающим из-под потолка белым шелковым пологом. К спальне примыкал кабинет с письменным столом и двумя диванами.

На этой кровати спали обычно ответственные чиновники из Воронежа. Шелковый полог оберегал их от назойливых местных комаров. Евгений Дубровин, как главный редактор областной газеты, занял эту кровать. Нам горничная постелила на диванах в кабинете. Здесь же, на подоконнике, освещенная уличным фонарем стояла клетка с белкой.

Станислав Никулин разделся, заглянул в открытую дверь к редактору:

— Ну, как вы там, ваше превосходительство?

— Нормально.

Сквозь прозрачный шелковый полог хорошо был виден лежащий на кровати человек в семейных трусах и без майки.

— Спящая красавица, — шепнул мне Никулин, и мы захихикали.

— Ну, вы там, гасите свет, — строго приказал Дубровин.

Мы погасили свет. Некоторое время на подоконнике раздавался стук

от легких прыжков белки. Потом послышалось громкое шуршание газеты. Белка задрала один угол и начала методично рвать новые листы на мелкие кусочки.

Мы лежали тихо, прислушивались. Евгений Дубровин шумно повернулся:

— Лучше бы ты козу купил, — сказал он. — Утром подоили бы.

Мы оценили шутку, похихикали. Белка продолжала рвать газету, и этот шорох долго не давал мне заснуть.

ЖИЗНЬ НА ШКАФУ

Жил я в большом кирпичном доме на улице «Березовая роща». Когда-то здесь, на холмах, действительно росли березы. Но построили дома, и от рощи осталось одно название.

Я взбежал на свой третий этаж и позвонил. В руках я держал клетку, белка суетливо прыгала в ней, подбрасывая клочки бумаги.

За дверью залаяла собака, послышался голос моей жены, умиротворяющий визгливую болонку. Звякнула цепочка. Меня впустили с клеткой. Из кухни в прихожую выглянула седенькая старушка — моя бабушка. Болонка подбежала и, радостно подвизгивая, начала прыгать у моих ног. Белка испуганно металась в клетке. Я поднял ее повыше:

— Вот! Принимайте гостей.

— Ой, крысу какую-то привез, — сказала бабушка.

— Что вы, бабуля, это — белка, — сказала моя жена.

Она была в шелковом халате с драконами, которые при каждом движении извивались на поблескивающей ткани от плеч до пяток. Любила, чтобы все было шикарно. Бабушку называла Бабулия. Имя свое Лена не признавала. Предпочитала, чтобы ее называли Эллен.

Болонку она принесла из питомника кучерявую, пушистую, чтобы выглядеть шикарной дамой с собачкой. Кличку раскормленной болонке придумала нелепую — Кубик!

— Почему Кубик? — пытался я возразить. — Собака — не геометрическая фигура.

— Нет, Кубик. «У всех геометров — глупый вид».

Моя жена цитировала маркизу де Помпадур и сама себе немножко казалась такой маркизой.

Жили, впрочем, мы скромно. В маленькой комнатке, выходящей одним окном в парк, а другим — на трамвайную линию, стоял двухтумбовый письменный стол. У стены громоздились до потолка книжные полки. У противоположной стены стояла всегда разложенная и застеленная одеялом раскладушка. Я на ней спал.

В гостиной был отгорожен уголок для бабушки. Мы поставили массивный платяной шкаф вплотную к двери, ведущей в прихожую. У противоположной стены поставили книжный стеллаж. Между шкафом и стеллажом остался небольшой проход. Там, в полумраке за шкафом, стояла такая же раскладушка, как у меня. Бабушка на ней спала и хранила под ней свой чемодан с вещами.

Парадная часть гостиной безраздельно принадлежала Эллен. Здесь стояла широкая тахта, лежа на которой она смотрела телевизор. По стенам висели горшочки с вьющимися растениями. Этот сад на стенах был устроен с помощью проволочных каркасов, в которые вставлялись глиняные горшочки. Эллен нравилось, что все сооружение называется кра-

сивым французским словом кашпо! То есть, «скрадывающий горшочки»: «каш» — скрадывать, «по» — горшочек. Это она объясняла всем, кто не знал.

Я стоял с клеткой посередине комнаты, пытаюсь сообразить, куда бы ее пристроить, чтобы Кубик, возбужденно виляющий хвостом, не смог достать маленького зверька. Место на шкафу мне показалось подходящим. Я разгреб наверху скопившиеся там газеты и журналы. И водрузил клетку.

Кубик сразу успокоился, лег на тахту, спрятал нос в передних лапах. Кучерявый чуб, свисающий до самого носа, закрывал ему глаза так, что нельзя было понять: притворяется он или потерял всякий интерес к рыжему пушистому зверьку.

Белка, оказавшись наверху, тоже успокоилась. Она принялась быстро, быстро щелкать семечки. Потом почистила мордочку лапками и принялась размерено прыгать из одного угла клетки в другой.

— Хлопотунья. Это она разминается после обеда, — сказала Эллен.

Мы тоже пообедали. Белка продолжала прыгать.

— Почему она не посидит? — удивилась Эллен. — Может, ее надо успокоить?

Она приволокла с кухни табуретку, забралась на нее, поправила клетку, чтобы лучше было видно зверька. Белка шарахнулась, замерла в дальнем углу. Потом опять начала прыгать.

— Ну, что там? — спросил я.

— Пыль на шкафу в два пальца. Принеси тряпку, надо вытереть.

Я пошел за тряпкой на кухню. Эллен открыла дверцу клетки и просунула туда руку, чтобы погладить пушистую спинку и хвост.

— Ой, она меня оцарапала! — Эллен захлопнула дверцу. — Зачем ты меня оцарапала, противная? Ты — Царапка.

— А зачем ты туда полезла? — спросил я

— Хотела поменять воду. Ну, погладила ее. Нельзя, да?

Эллен слезла с табуретки, не вытерев пыль, пошла к холодильнику, чтобы помазать царапины йодом. Теперь я взобрался на табурет, погрозил белке пальцем и стал вытирать пыль на шкафу.

Но грозить пальцем я должен был себе. Купил зверька-грызуна в птичьей клетке. Белке было тесно там. Не удавалось даже как следует расправить хвост; кончик все время торчал между прутьями. Позднее я прочитал в книжке: «Белкам нужно большое пространство для постоянного движения, к которому они привыкли в лесу. Иначе они болеют и умирают».

Все старые газеты и журналы были сброшены со шкафа, пыль вытерта. Бабушка готовила ужин на кухне. Эллен вышла с Кубиком на прогулку. Я остался в большой комнате один и вдруг почувствовал: чего-то не хватает, какого-то звука. Белка перестала шлепать лапками о дно клетки, перестала прыгать. Привстав на цыпочки, я заглянул на шкаф. Зверек лежал на бумажках, свернувшись комочком.

С улицы пришли Эллен и Кубик. На лай собаки у белки вздрогнули ушки, и она снова замерла.

— Что? — спросила Эллен.

— Белка не шевелится.

— Как? Почему?

Она принесла табурет, шатая руками дверцу шкафа, полезла посмотреть, что там случилось.

— Царапочка, хорошая, что с тобой? Ты заболела?

Постучала по клетке. Белка встрепенулась, отпрыгнула от руки. И через некоторое время начала размерено прыгать из угла в угол.

— Напугала, дурочка!

Но очень скоро Царапка опять затихла. Табурет остался у шкафа, я полез проверять, что с нашей рыжей красавицей. Похлопал по клетке. Пушистый комочек встрепенулся. Царапка села, моргнула бусинками глаз, сбросила лапкой с уха прилипший клочок бумаги и нехотя начала прыгать, совершая ритмично одно и то же движение из угла в угол.

— Она просто спать хочет, — догадался я.

— Еще день, светло, — возразила Эллен

— Может, все дело в том, что мы рано встали, в машине тряслись.

Утомилаесь? — предположил я.

Оказалось, дело не в том, что мы рано встали. У белок не такой распорядок дня, как у людей. Они встают на рассвете и ложатся спать в четыре часа дня. Царапке мучительно хотелось спать, а мы ей мешали. Желая подружиться с живым зверьком, я оставался все тем же асфальтовым человеком, который не знает законов леса, законов природы.

Наступил вечер. Сгустились сумерки. Эллен зажгла свет в гостиной. Три матовых рожка люстры ярко светились под потолком. На шкафу в клетке раздалось шуршание, зашлепали лапки. Царапку разбудил свет. Она, как маятник совершала прыжки туда-сюда.

— Как у нее голова не закружится, — сказала Эллен.

— Ей мешает свет, — сказал я.

Старой майкой мы накрыли клетку. Но и сквозь майку яркий свет проникал внутрь. Белка продолжала прыгать. Потом заинтересовалась майкой, попыталась затянуть ее в клетку. Майка поползла, и сверху обнажились прутья. Свет снова начал слепить зверьку глаза.

— Так она не сможет жить, — сказала Эллен. — Надо что-то делать.

ПОСЫЛКА-ДОМИК

Рано утром (мы еще спали) бабушка съездила на базар. Купила для белки кедровых орешков, семечек, связку сушеных грибов. Когда мы с Эллен проснулись, в клетке шел пир горой. Шелуха от кедровых орешков так и летела сквозь прутья во все стороны.

Мы ходили вокруг шкафа, любовались ловкостью рыжей красавицы, и каждый занялся своим делом. Я сел за письменный стол. Эллен позвонила на телестудию, где она работала в молодежной редакции, сказала, что задержится. Она всегда и всюду опаздывала. Размахивая сумкой, которую не успела надеть на плечо, двинулась в прихожую. У дверей обернулась:

— Не забудь погулять с Кубиком.

— Сама встала бы пораньше.

Но дверь уже захлопнулась. Вряд ли Эллен расслышала, что я сказал. Мне оставалось только выполнить ее приказание:

— Кубик, гулять!

Пес первым выбежал из подъезда. Двое рабочих в синих спецовках сгружали доски около входа в подвал. Молодой, тот, что стоял в кузове грузовика, прервал работу, устался на пса, лохматого до такой степени, что глаз не видно.

— Смотри-ка, — сказал он, — две недели не брился.

Они засмеялись, а Кубик, поняв, что смеются над ним, присел на зад-

ние лапы и залааял на рабочих. Но тут же вскочил и затрусил за угол. Ему надо было скорее в аллею к первому дереву.

Кубик задрал свою ногу у небольшого дубка. Затем начал резво бегать между деревьями, принюхиваясь к оставленным следам других собак. Я купил в киоске свежие газеты, и мы вернулись домой.

Первым делом, как нас учила Эллен, зашли в ванную комнату. Пес любил забираться с ногами на тахту, на мою раскладушку в кабинете. Поэтому было заведено правило: после каждой прогулки мыть лапы и вытирать специальной тряпочкой, которая висела на специальном крючке.

Я взял Кубика себе подмышку, включил кран, подsunул передние лапы под струю теплой воды. На дно ванны полетели грязные брызги. Задние лапы я помыть не успел, — что-то грохнуло на кухне. Кубик испуганно рванулся. Плюхнулся на кафельный пол и заскользил по нему мокрыми лапами.

— Ой! Ой! — крикнула бабушка из кухни.

Кубик от этого крика забился под ванну и выглядывал оттуда одним глазом, второй был прикрыт чубом.

Послышались причитания бабушки:

— Господи, что же это такое! Весь обед испоганила. Целую кастрюлю. Белая и черная фасоль.

Я выбежал из ванной комнаты:

— Что случилось?

— Да как же, — причитала бабушка, — суп опрокинула, проклятая.

Смотрю, действительно, на полу разлит бульон. Плавают черные и белые фасолины, лук, морковь, дымящиеся кусочки мяса. Бабушка держит в руках и показывает мне пустую кастрюлю, из которой выходят остатки пара.

— Кто опрокинул? — спрашиваю.

— Царапка.

Оглядываюсь: на пороге кухни стоит с невымытыми задними лапами Кубик, принюхивается к разлитому фасолевному супу. Он был все еще испуган и взъерошен, но запах похлебки на полу выманил его из-под ванны.

— Царапка? — переспрашиваю.

— Она, подлая.

— Как же она ухитрилась такую тяжелую кастрюлю столкнуть на пол?

— Я сама хотела ее переставить на другую конфорку. Она, проклятая, прыгнула мне на спину. У меня все оборвалось. Я ахнуть не успела.

— Ахнуть ты успела, — говорю. — Так ахнула, что перепугала всех. А как она тебе прыгнула на спину?

— Сверху откуда-то. Вон банку повалила с полочки.

На полу у ножки стола валялась пустая железная банка из-под чая. Белки нигде не было видно.

— А как она сюда попала, на кухню?

— Вылезла... из клетки...

Я выглянул в гостиную. Клетка стояла на шкафу с открытой дверцей.

— Сама открыла?

Бабушка виновато посмотрела мне в глаза, развела руки в стороны:

— Я выпустила ее.

— Зачем?

— Не знаю, — она застенчиво улыбнулась. — Тесно там, в клетке.

Царапку я нашел в кабинете. Она сидела на моем столе, грызла корешок книги.

— Царапочка, иди сюда, — сказал я, медленно приближаясь.

Белка зацокала на меня. В такт цоканью дернула несколько раз хвостом туда-сюда. Схватить мне ее не удалось. Она прыгнула на книжные полки, оттуда на штору. Повисла на ней, вертя головой, зыря на меня бусинками глаз. Едва я приблизился, прыгнула на открытую дверь, с нее — в гостиную на торшер. Собственно, она не прыгала, летала. Потом я прочитал: «Хвост у белки расчесан надвое. Он помогает ей летать на 15 метров. Без хвоста белка может пролететь не более 5 метров.» В нашей маленькой квартире она могла летать в любом направлении, не применяя для планирования хвост. Везде что-нибудь стояло, торчало, висело: ковер, цветы в горшочках. Шторы на окнах. Мы жили в нашей городской клетке тоже тесно.

— Я не могу ее поймать, — сказал я бабушке. — Надо ждать, когда она проголодается и сама залезет в клетку.

Мы защелкнули балконную дверь на шпингалет. Закрыли в комнатах и на кухне форточки, чтобы рыжая красавица случайно не выскочила на улицу.

Едва стукнула входная дверь, ринулись наперегонки встречать Эллен: я, бабушка и Кубик. Пес, возбуждись от нашего общего настроения, ворвался в прихожую с лаем.

— Скорей закрывай дверь! — крикнул я.

— Что случилось? Что с вами?

— Белка на свободе.

Вперед выступила бабушка. Наворачивая от волнения фартук на руки, она сказала:

— Эллен, прости меня, старую дуру. Я выпустила Царапку. Она тут такое наделала.

— Что?

— Ужас!

Белка между тем тоже прибежала. Она сидела на краю шкафа, свесив голову, одним глазом следила за нами.

— Царапочка! — увидела ее Эллен.

Белка цокнула, дернула хвостом и в два прыжка перелетела со шкафа, где стояла клетка, на книжный стеллаж.

— Я ее поймаю, — пообещал я.

Эллен обняла старушку:

— Бабулия! Золотая наша! Вы — молодец! Вы правильно сделали, по-человечески. Мы должны были догадаться сами. Свободу лесному народу! — крикнула она, выбрасывая руку вверх.

— Свободу лесному народу! — обрадовался я.

От наших криков залаял, не понимая, что происходит, Кубик. Белка шарахнулась со стеллажа на заросли кашпо. Один из горшочков, плохо закрепленный, столкнула на пол. Он раскололся, вывалилась земля. Эллен нисколько не расстроилась, она засмеялась:

— Бей люстры! Сбрасывай фарфор, хрусталь! Мы с тобой одной кровью — ты и я. Твоя добыча — моя добыча!

В «Маркизе де Помпадур» проснулся клич Джунглей.

Ни хрусталя, ни фарфора у нас не было. Бабушка поохала над разбитым горшочком, но ругать белку не стала.

Незаметно подкрался вечер. Мы ходили по комнатам, Царапка вы-

скакивала из самых неожиданных мест, убегая от нас, цокая недовольно. Надо было снова думать, что с ней делать.

— Где же она спать будет? — спросила бабушка.

— Да, — вздохнула Эллен и отложила книжку. — В клетку она не пойдет. А как они в природе живут?

— В дупле, — сказал я.

— Надо ей сделать дупло.

— Из чего?

— Ты — мужчина, охотник. Придумай.

Я открыл кладовку, где у нас хранился всякий хлам. На глаза попался фанерный посылочный ящик. Я повертел его, начал выпиливать в торце небольшое круглое отверстие. Под внимательными взглядами Эллен и бабушки поставил рядом с клеткой посылочный ящик с дыркой.

— Готов домик!

На крыше домика был написан адрес: «Воронеж, Березовая роща, дом 70, кв 6.» Обратный адрес был из Астрахани. Нам в этом ящике несколько лет назад родственники прислали вяленую рыбу.

БЕЛКА И ПЕС

Царапка очень быстро освоилась в новом домике. Все пространство на шкафу стало ее территорией. Здесь она чувствовала себя в безопасности. Прыгала между посылочным ящиком и клеткой, сидела, вытягивая шею, прислушиваясь к звукам в квартире.

— Навострила ушки, — говорила бабушка.

Если у подножья шкафа появлялся Кубик, зевал, почесывался, Царапка свешивала голову за край боковой стенки или за край дверцы шкафа и следила за ним внимательными черными бусинками.

Кубик мгновенно узнавал о присутствии лесного зверька. Он переставал почесываться или зевать, задирает голову, смотрел на белку одним глазом. Второй всегда был прикрыт чубом. Неуверенно гавкал, но не как охотник, а как хозяин квартиры. Царапка, блестя бусинками глаз, цокала в ответ.

О чем переговаривались таким образом лесной зверек и домашняя болонка? Приходилось присматриваться, учиться понимать сердитое, а иногда и веселое цоканье.

Утром следующего дня Царапка вылезла из уютного домика, попрыгала по краю шкафа, оглядывая окрестности, отмечая наклоном головы присутствие внизу Кубика, Эллен, бабушки. На меня она не обратила внимания, я был далеко, в дверях своего кабинета.

Клетка была открыта. Царапка несколько раз задела дверцу хвостом, крутась около. Неожиданно она юркнула внутрь своей недавней тюрьмы. Пушистый хвост остался снаружи, лежал, слегка подрагивая, словно бы выражая нерешительность. Затем она резко шевельнула им туда-сюда и прыгнула в клетку. Я на цыпочках подбежал к шкафу, хотел захлопнуть дверцу клетки. Голос Эллен остановил меня:

— Не надо!

Царапка обернулась в мою сторону. Лапки, в которых она держала орех, замерли. Усатая мордочка была осмыслена, внимательна.

— Почему не надо?

— Это у нее — столовая.

Выслушав наш разговор, Царапка снова занялась орехом. Взяла из кормушки следующий. Во все стороны полетели шелушки.

Царапка подтвердила слова Эллен. Клетка стала столовой. Белке не было смысла убегать оттуда, пока не насытится. В течение дня Царапка несколько раз залезала в клетку, шелушила семечки, пила воду, вытаскивала воткнутые бабушкой между прутьев грибы. И когда кто-нибудь из нас приближался к кормушке, цокала, чтобы прогнать.

— Не подходите, — говорила, смеясь, бабушка. — Новая хозяйка объявилась. Мы в этой квартире лишние.

Итак, на третий день наша рыжая хозяйка стала владеть немалой собственностью. У нее был уютный домик, где она спала, и клетка-столовая, где она обедала.

Мы быстро привыкли к тому, что у нас на платяном шкафу живет белка. Даже начали открывать форточки, чтобы проветрить квартиру. Делали мы это ночью, перед сном.

— Ой, ой! — слышались короткие возгласы Эллен из гостиной. — Где она?

Я выглянул из кабинета:

— Кто?

— Царапка. Она ушла.

В проеме между шкафом и стеллажом появилась седая, растрепанная бабушка в длинной ночной рубашке. Она держала в поднятой, подрагивающей руке гребешок, никак не могла заколоть им волосы.

— Царапка убежала?

— Это я виновата, — в отчаянии заламывала руки Эллен. — Пошла на кухню варить кофе, а форточку оставила открытой.

Бабушка тяжело вздохнула:

— Она в городе пропадет.

Эллен открыла балконную дверь, выглянула на улицу. К ней тотчас прибежал Кубик, тявкнул, показывая, что он здесь, никуда не пропал.

— Подождите, может, она в домике, — сказал я.

— Нет, я стучала по шкафу.

Эллен подтащила кресло, забралась на него; цепляясь локтями за крышу шкафа, став одной ногой на подлокотник кресла, попыталась заглянуть в дырку посылочного ящика. Ничего не увидела в темной глубине.

— Точно! Я видела, когда вошла, мелькнула какая-то тень.

Постучала пальцами перед входом в домик. Белка не появилась.

— По ящику постучи, — сказал я.

Эллен постучала пальцами по ящику. Тот же результат.

— Она ушла, я вам говорю: она ушла!

Принялась обеими руками двигать домик из стороны в сторону. В круглом темном отверстии появилась испуганная заспанная мордочка. Белка высунула голову наружу, ошалело таращилась бусинками глаз, выставив в разные стороны остренькие, лохматые ушки.

— Вот она! — чуть не упала со шкафа Эллен, ноги соскользнули с подлокотника кресла. — Царапочка, ну, извини, что потревожили. Извини, пожалуйста.

Мы отошли от шкафа. Царапка еще некоторое время торчала из дырки, потом спряталась внутри домика.

Не зная повадок лесного зверька, мы все делали не так. Порой не давали белке спать в самые сонные беличьи часы.

Больше месяца мы не оставляли Царапку и Кубика в одном помещении, когда все уходило из дома. Я придумал закрывать его в прихожей. Положили ему около ящика с обувью подстилку, бросили рядом любимую

кость. Пес рвался в гостиную, тоненьким голоском то ли подвывал, то ли подлаивал. Нетерпеливо мотал хвостом и обижено смотрел одним глазом, на нас, уходящих из квартиры. Мы воспринимали это как собачий охотничий азарт. С детства мне запомнилась картинка в «Родной речи». Собака облаивает белку, сидящую на дереве, а рядом стоит охотник на лыжах с поднятым вверх ружьем. В небольшом рассказе под картинкой сообщалось: чтобы не портить шкурку, охотник целится в глаз.

Мы уходили по своим делам, Кубик оставался в прихожей, отделенный от белки стеклянной дверью. Встав на задние лапы, он видел, как она прыгает в гостиной по тахте, по креслу, по книжным полкам, но ворваться туда и схватить ее за хвост не мог.

В этот раз мы задержались дольше обычного. В центре города, в доме на Никитинской улице, недалеко от музея поэту Ивану Саввичу Никитину, жили моя мама Валентина Михайловна, моя сестра Света и маленькая девочка Алла — моя племянница. Ей исполнилось шесть лет. И по этому поводу мы собрались на Никитинской, ели пирог, пили чай. Принесли подарок и от белочки — кулек лесных орехов. Собственно, и самого зверька в клетке я купил в Борисоглебске для своей маленькой племянницы. Но моя сестра, женщина строгая, сказала:

— Вот еще, зверинца нам тут не хватало! Грязь разводить!

Она была права. Со шкафа нам на головы все время сыпались скорлупки от орехов и семечек, шелушки от сосновых шишек, одним словом, всякий мусор. А если вспомнить фасолевый суп на полу, разбитые горшочки с землей, то и грязь...

Вернулись мы к себе в Березовую рощу затемно. Во всех окнах дома уже горел свет. Эллен погремела ключами, вошла первой в прихожую, зажгла свет и по своему обыкновению ойкнула:

— Ой, дверь!

— Что?

— Ты оставил открытой дверь в гостиную.

— Не оставлял.

— Ты всегда все делаешь спустя рукава.

— Нет, я все делаю, засучив рукава. Но тебе этого мало.

Пока мы ссорились в прихожей, бабушка протиснулась между нами в гостиную, негромко позвала:

— Царапка! Царапка!

Прибежал ленивой трусцой Кубик. Вел он себя необычно: не прыгал радостно, а виновато вилял хвостом.

— Что ты сделал с Царапкой? — строго спросила Эллен. Пес сел перед ней, моргал одним глазом. — Он съел ее.

— Говоришь бог знает чего, — пробормотала бабушка, заглядывая на кухню.

Я мрачно заметил:

— Болонки белок не едят. Следы бы остались.

Эллен опустилась в кресло, отпихнула ногой Кубика:

— Уйди от меня! Царапочка, дорогая, мы бросили тебя на съедение этому зверю.

Кубик затрусил ко мне в кабинет. И тут произошло неожиданное. С полочки под телевизором прямо на спину лохматому псу метнулась рыжей молнией белка. Кубик тоненько взвизгнул и покорно затрусил на середину комнаты, опустив голову и хвост, везя на себе Царапку. Она крутнулась на нем, прыгнула на журнальный столик. Не успел Кубик

отбежать от столика, Царапка догнала его большими прыжками по ковру, уцепилась за хвост.

Пес остановился, оглянулся.

Царапка отскочила в сторону, по книжным полкам взлетела на стеллаж, оттуда прыгнула на шкаф. Кубик остался один посередине комнаты. Он смотрел на нас, словно спрашивал: правильно ли он делает, что возит на себе эту рыжую нахалку, позволяет ей играть хвостом.

В тот же вечер, внимательно осмотрев дверь в прихожую, я выяснил, как произошло близкое знакомство собаки и белки. Оставаясь одни, они принимались за работу. Кубик из прихожей царапал когтями деревянную раму двери, пытаясь ее открыть. Царапка со своей стороны грызла острыми резцами нижний угол деревянной рамы. И, как я убедился, изгрызла угол основательно. Еще бы немножко и получился бы лаз в прихожую.

Наша подслеповатая бабушка подметала деревянные стружки, как обыкновенный комнатный мусор, не замечая, что он остается от целеустремленной работы белки.

Чтобы дверь крепче держалась в закрытом положении, я, уходя, подкладывал свернутую бумажку и захлопывал плотно. В этот раз, тряся раму с двух сторон, наши звери так исцарапали ее, так изгрызли, рассказали, что бумажка выпала и дверь распахнулась.

— Ах ты, наездница! — погрозила Эллен Царапке пальцем.

Та свесила со шкафа мордочку, цокнула. Затем повернулась спиной, несколько раз дернула хвостом туда-сюда, словно говоря: «Не учите меня жить». И полезла в клетку, нашла там большой грецкий орех, захватила его в лапки, начала быстро-быстро распиливать резцами на две части. Звук при этом она производила такой же, какой бывает при распиливании дерева ручной пилой. Минуты не прошло, как скорлупа была разрезана на две половинки. Царапка начала выбирать из них ядрышки ореха.

Непонятно, как звери (домашняя собака и лесная белка) смогли договориться. Потом я прочитал об еще более удивительном случае дружбы белки и дятла. Охотовед из Смоленска не сразу даже поверил тому, что увидел... Дятел повредил клюв. Чтобы спасти его от неминуемой голодной смерти, на помощь пришла белка. Она вышелушивала из еловых шишек семечки, а тот на лету ловил их и ел. Сначала показалось, что это какое-то случайное содружество. Но едва пушистый зверек перескакивал на другую елку, как за ним поспешал дятел. И снова — кормление с «ложечки».

— Мир-дружба? — спросил я Кубика.

Он вильнул хвостом.

После ужина и крепкой чашечки кофе Эллен «села на телефон» и начала обзванивать знакомых, называя их переделанными на шикарный манер именами:

— Александрин, у нас событие. Верхний и нижний зверь подружались. Царапка таскает за хвост Кубика.

Александра Федоровна, главный редактор Центрально-Черноземного издательства, не поняла, видимо, спросила:

— Как?

— Очень просто, как мальчишки таскают девчонок за косички; или как мальчишки и девчонки таскают кошек за хвосты.

Кубик лежал у ее ног, подремывал. Услышав свое имя, встрепенулся, но тут же успокоился, зажмурил не закрытый чубом глаз.

Царапка спряталась под крышу своего домика и давно уже смотрела свои белизны, лесные сны.

ЦАРАПКИНЫ ИГРЫ

С каждым днем наша рыжая красавица становилась все более общительной. Кубика она подстерегала повсюду. Прыгала ему на спину, хватала за хвост. Пес взвизгивал, трусцой убегал, запрыгивал на тахту, жался к Эллен, толкал ее носом под локоть, чтоб заслонила от прыгающей по тахте белки. Он не боялся ее, просто не знал, как себя вести в такой ситуации. И чувствовал себя ужасно виноватым от своей нерешительности.

— Эх, ты, кавалер! — говорила Эллен. — С таким чубом, а прячешь свой нос под моим локтем.

Бабушке на спину Царапка стала прыгать в первые же дни. А теперь бабушка каждое утро наливала теплого молочка в блюдечко и звала:

— Царапка! Царапка!

И хотя знала, что белка не просто прибежит, а прыгнет на нее откуда-нибудь, все равно каждый раз пугалась и взвизгивала, как девчонка.

В конце концов, Царапка так осмелела, что однажды, когда я проходил мимо шкафа, прыгнула мне на голову, вцепилась в волосы, уперлась в макушку холодными лапками. В первое мгновение я замер, точно так же, как Кубик, а потом так же, как Кубик повез ее на голове по комнате, осторожно переступая, очень гордый оказанным мне доверием.

— Посмотрите на меня, — позвал я бабушку и Эллен из кухни, — как вам нравится моя новая беличья шапка?

С моей головы белка прыгнула на торшер, закутанный синей спортивной майкой. Эллен таким образом оберегала абажур от когтей и зубов Царапки. Светильник из желтого стал синим и рукава майки, свисая по обе стороны абажура, болтались. Царапка спустилась и повисла на одном рукаве.

Я прошел мимо с независимым видом, спрятав руки в карманы куртки, где у меня могли быть орешки. Стараясь приручить дикого лесного зверька, мы давали ему из рук семечки, грибы, кедрышки. И Царапка очень быстро поняла, где мы их прячем. Она побежала за мной по тахте, прыгнула на спину, скользнула по куртке вниз и залезла с головой в карман, только один хвост торчал наружу. Там же, не вылезая, щелкнула орешком. Еще один вынесла в зубы, спрыгнула с моего плеча и побежала с орехом в зубах по всяким предметам и выступам к себе на шкаф.

У Эллен в ее шелковом халате с драконами не было карманов. Она пошла на кухню, взяла из мешочка горсть кедровых орехов, села в кресло и позвала:

— Царапка! Царапка!

Белка охотно откликнулась на свое имя. Она цокнула, крутнулась на шкафу, прыгнула на книжную полку, с нее на пол, прибежала, зацепилась за шелк халата, подобралась к руке, начала тыкаться холодным носом в зажатую ладонь. Затем принялась разжимать своими растопыренными лапками пальцы, зажимающие орешки.

— Ой, щекотно! — смеялась Эллен. — Ой, не могу! Посмотрите, что она со мной делает!

— У ней же в клетке много таких, — удивилась бабушка. — Неужто съела?

— Ей не орешки нужны, ей поиграть хочется, — объяснила Эллен. — Смотрите, смотрите, один выцарапала.

Люди часто спрашивают: на каком языке разговаривают звери между собой? Как понимают друг друга звери и птицы?

Есть один язык, понятный всем, — язык игры. И дятел, который кормился около рыжей красавицы в лесу, использовал игровые возможности своего общения с белкой. Зверек перелетал на другую ветку, и дятел за ним. Ты убегаешь — я догоняю.

Прыгая нам на головы, забираясь в карманы за орешками, Царапка учила нас языку игры. Правила этой игры были очень простые, но веселые. Мы должны были прятать от нее орешки. Она должна была их находить.

Царапка сидела на руке Эллен. Ладонь не раскрывалась, пальцы были крепко сжаты, и белка начинала сердиться: цокала, дергала хвостом.

— Ой, не могу! — веселилась Эллен. — Она разжала мои пальцы! Смотрите, она их разжала.

— Ты сама разжала, — сказал я.

— Нет же. Ты не знаешь, какая она сильная.

— Да, — подтвердила бабушка, — такая сильная. Как прыгнет на спину, словно утюг бросили.

— Ладно вам придумывать.

Сидя на тахте, Царапка пощелкала орешки, которые ей удалось выцарапать из зажатой горсти. И снова подобралась к Эллен, прыгнула на руку, снова начала ввинчиваться мордочкой в ладонь. Лапки старалась просунуть между пальцами сжатого кулачка.

Прибежал Кубик, ткнулся носом в мою ногу, в ногу Эллен. Царапнул свою хозяйку лапой, чтобы посмотреть на него, погладила. В последнее время мы стали замечать: ревнует нас к белке. Так озабочен нашим вниманием, что даже стал есть семечки и орехи.

Царапка, повозившись с пальцами, которые были крепко сжаты, неожиданно вонзила зубы.

— Ой! — вскрикнула Эллен, роняя орехи на пол. — Пошла вон, противная!

Царапка и без того уже была на шкафу, вертелась там, цокала, выражая недовольство такими правилами игры, когда зовут искать орешки, а пальцы не разжимают.

Кубик между тем начал хватать с пола орешки, грыз их, смешно разевая рот, старался сделать так, чтобы маленький кедровый орех попал на зуб.

— Как не стыдно, — начала стыдить его бабушка. — Такой большой, ворует орешки у маленькой белочки.

Псу было стыдно, он виновато отводил морду в сторону, но продолжал подбирать орехи.

— Она тебя укусила? — спросил я. — Покажи руку.

— Нет, только показала, что может укусить. Я сама виновата, отвлеклась на Кубика.

Мы играли с нашей рыжей подружкой, но все еще плохо учитывали ее интересы, лесные привычки. Я поставил ящик на шкафу отверстием к свету, к люстре, чтобы видеть, как белка входит в свой домик, как выходит из него. Мне и в голову не пришло, что и в этом темном ящике Царапке будет мешать яркий свет люстры.

Был уже поздний вечер. Бабушка на кухне мыла посуду. Эллен говорила по телефону со своей подругой Адой, которую она называла «Адель». Я склонился перед сном около стеллажа с книгами, выискивая глазами, какую бы книгу почитать перед сном. Звери наши спали. Кубик под креслом, положив голову на лапы. Белка, еще было светло, залезла в свой домик.

Неожиданно Царапка выскочила из домика. Начала метаться на шкафу от одного края к другому. С той стороны, где была дверь в прихожую (близко к шкафу) у нас висел отрывной календарь на гвоздике. Уходя на работу, кто-нибудь из нас, Эллен или я, отрывал очередной листочек и клал на край шкафа. Подскочив к этим листочкам, собранным за месяц, Царапка спихнула их на пол, они полетели в разные стороны. Один оказался у нее в зубах. Она вместе с ним юркнула в домик. Эллен прервала телефонный разговор:

— Подожди, Адель, что-то Царапка тут у нас буйствует.

С минуту белка шуршала в ящике. Было видно, как она хватается лапками листок календаря. Пристраивает его с внутренней стороны. В черной круглой дыре мелькала цифра 29 и портрет Рылеева, помещенный под этой цифрой. Наконец листок закрыл всю площадь дыры. Царапка подперла его изнутри чем-то, должно быть, моим носком, который она несколько дней назад утащила у всех на глазах из моего ботинка в свою нору. Я даже погнался за ней. Эллен сказала:

— Не трогай! Я дам тебе новые носки.

Внутри ящика наступила тишина. От яркого света люстры белка загордилась листком календаря точно так же, как это сделал бы человек. Впоследствии я узнал, что белкам такие действия свойственны. Они часто занимают скворечники и, чтобы птицы их не выселили оттуда, уходя на промысел, запирают вход плотной травяной пробкой.

С того дня Царапка утаскивала новые листки календаря в свой домик, закрывалась ими от яркого света, как мы закрываем окна ставнями. Теперь мы всегда знали, когда она у себя дома. Если листок закрывает вход, значит, спит.

Мы наблюдали за жизнью белки, узнавали каждый день что-нибудь новое о ней. Она тоже исследовала нашу жизнь. Эллен взяла с верхней полки какую-то книгу и обнаружила за ней пропавший градусник в изгрызенном футляре. Затем ей что-то понадобилось взять на подзеркальнике в прихожей, где моя жена красилась перед уходом на работу, и обнаружила открытую коробочку румян. Картон коробочки белка изгрызла со всех сторон, а на самих румянах отпечатались следы острого реза.

— Погляди, — показала мне Эллен коробочку. — Видишь? Что это?

— Наша Царапка решила накраситься румянами.

— Видишь, тут следы от зубов? Она же может отравиться. Где она?

Царапка была на шкафу. Увидев, что мы ею интересуемся, прыгнула на стеллаж, пробежала по горшочкам на стене, прыгнула на телевизор, оттуда — на подоконник. Здесь задержалась, начала размерено прыгать по подоконнику: два прыжка в одну сторону, толчок от стены передними лапками, два прыжка в другую сторону, снова толчок от стены передними лапками.

— Царапочка, ты здорова? — спросила Эллен.

— Здорова она, здорова.

— Посмотри, что с ней стало.

Действительно. Я только сейчас обратил внимание: хвост у Царапки был не такой пушистый, как раньше. Его словно выщипали и там, где отсутствовала шерсть, был виден голый крысиный хвостик.

— Она линяет, — сказал я.

— Звери линяют весной. Она наелась румян, туда что-то подмешивают для блеска. У нее выпадает шерсть. Царапочка, что с тобой?

Через час дозвонились до ветеринарной клиники, до больницы с зеленым крестом. Узнали: белки линяют два раза в год — весной и осенью. Сейчас была осень, и шубка у нашей белки на животе и до кончика хвоста сделалась пепельно-серой.

ФОТОГРАФИЯ ДЛЯ ЖУРНАЛА

Звери быстро привыкают к людям и начинают скучать, если остаются одни. До восьми часов вечера у нас дома никого не было. Едва я открыл дверь, ко мне в прихожую прибежали, обгоняя друг друга, Царапка и Кубик. Пес повизгивал и держал в зубах большую кость, что выражало у него высшую степень чувствительности.

— Ну, вижу, вижу, соскучился, — присел я на корточки, не снимая пальто, и стал трепать ему уши, гладить. — Ах, ты, мой адмирал Нельсон.

Английский адмирал после ранения в голову закрывал изуродованный глаз черной повязкой. У Кубика один глаз всегда был закрыт чубом.

Царапка прибежала с желудем в зубах. Было такое впечатление, что звери готовы поделиться со мной желудем и костью.

Пока я гладил Кубика, белка прыгала по моей спине, потом перелезла на висящий на вешалке плащ, повисла на нем, начала карабкаться по плащу на полочку, где лежали кепки и шляпы. Уронила оттуда желудь. Возможно, она надеялась, что я его поймаю, и очень была недовольна тем, что я такой неловкий, зацокала, задергала хвостом.

Я поднял желудь с пола, глядя в ее быстрые бисерные глазки, сказал:

— Что смотришь, хитрый хвост? Почему не спишь. Желуди я не ем, но все равно спасибо. И отправляйся спать. В ученых книгах написано: ты должна ложиться в четыре часа дня.

Звери еще некоторое время прыгали вокруг меня, пока я снимал пальто и разувался. Убедившись, что я пришел и никуда не собираюсь уходить, успокоились.

Царапка юркнула к себе в домик, пошуршала там, загоразивая вход листком календаря, и затихла.

Кубик отнес кость под кресло и принялся слоняться за мной из одной комнаты в другую. А когда я сел в кресло смотреть телевизор, он устроился рядом. Голову положил на лапы, моргал одним глазом. Потом начал подремывать.

Однажды мне почудилось: нашим зверям ночь кажется слишком длинной, если они долго не видят кого-то из обитателей квартиры.

Я спал на раскладушке в своем кабинете. Царапка проснулась на расвете, едва посветлело небо за окном. Мягко шлепая лапками, прибежала под дверь, начала царапаться. Дверь не открывалась. Она легла на пол около нижнего угла и принялась старательно его грызть, точно так же, как грызла угол двери в прихожую, когда там был закрыт Кубик. Наверное, ей казалось, что меня тоже закрыли, как Кубика.

Моя жена спала на широкой тахте на двух подушках. В ногах у нее, свернувшись клубочком, спал Кубик. Царапка их разбудила.

— Противная какая! Пошла вон! — сказала Эллен и швырнула свой пушистый тапочек. Царапка увернулась и убежала. Но едва Эллен заснула, снова подкралась и так же старательно, шумно принялась грызть угол двери.

Я закрывался в своем кабинете главным образом от белки. От ее зубов на моем столе и на полках книжного шкафа пострадали многие книги. Особенно мне жалко было томик рассказов «Хромой пес», мое первое зарубежное издание. Книга вышла в Софии и по-болгарски называлась «Куцото куче». За несколько дней Царапка незаметно изгрызла углы почти у всех экземпляров «Куцото куче». В таком виде они хранятся до сих пор.

Ближе к утру, когда люди встают, чтобы идти на работу, наступила очередь Кубика. Он сел под моей дверью и начал чихать. Я слышал, конечно, но мне лень было встать и открыть ему дверь. Не выдержала Эллен:

— Чтоб вы пропали все! Спать не даете. Что ты расчихался тут, как старик?

Она распахнула дверь в мой кабинет. Кубик вбежал, стал передними лапами на край раскладушки и начал трогать лапой мою руку, требуя, чтобы я его погладил.

Где-то я читал или видел по телевидению: очень домашние собаки занимают в квартире такое место, с которого они могут одновременно видеть хозяина и хозяйку. Если те находятся в разных комнатах, собака ложится на пороге в открытых дверях. Может быть, нечто подобное происходило и с нашими зверями?

Я погладил пса, и тотчас же в открытую дверь влетела Царапка, прыгнула на письменный стол, опрокинула стаканчик с карандашами. От звука раскатившихся по столу карандашей метнулась на штору, оттуда ко мне на голову, затем — на раскладушку. Успела поиграть хвостом Кубика, который засеменил из кабинета. Возможно, она так выражала радость по поводу того, что начался новый день, хозяева дома, двери открыты.

Совершив несколько прыжков, белка уселась на моем письменном столе и замерла; только бусинки глаз двигались и поблескивали. Я придвинул кресло, сел за стол и мы довольно долго смотрели друг на друга, не двигаясь. У меня было желание протянуть руку и погладить Царапку, но я знал, что это невозможно. Ручная белка не позволяла трогать себя руками. Она могла сама сесть на ладонь и взять из пальцев орех, но прикасаться к себе не давала.

Белка сидела на столе красиво, как статуэтка. В кабинет заглянула Эллен:

— Слушай, — сказала она. — Надо тебе сфотографироваться с ней.

— Здесь темновато, не получится.

— Я попрошу на пару дней вспышку у Витольда.

Витольд Чернявский был студийным фотографом. В тот же день Эллен взяла у него и привезла домой прибор с большой лампой, проводами, аккумулятором. Фотоаппарат у нас был свой, «Зенит Е».

На другой день я надел свою лучшую белую рубашку с отложным воротничком; положил на стол чистый лист бумаги; взял в правую руку перо, в левую — орешки, чтобы подманить рыжую красавицу. Вроде бы я пишу рассказ про белку, а она сидит тут же на столе и смотрит.

— Царапка! Царапка! — позвал я. — Она не откликнулась. Я погрел орешками: — Царапка, иди же, будем позировать тете Эллен. Царапка! Царапка!

Белка не очень охотно прибежала. Я ее выманил из клетки, где она обедала. Эллен стояла с фотоаппаратом наготове, прицеливалась. Под ногами у нее вертелся Кубик. Без него не происходило в доме ни одного события.

Наконец Эллиен нажала на спуск. Сверкнула молния вспышки. Кубик кинулся прочь из кабинета. Он так испугался, что забился в прихожей в угол, где стояли старые ботинки и туфли. И никак потом не хотел выходить оттуда.

Царапка же вспышки не испугалась. Она осталась сидеть на столе. Брала из моих рук кедрышки, грызла их. Я делал вид, что пишу, выводил на бумаге всякие случайные слова: «Проба пера, ура, ура! А Кубик убежал. А рыжая, хорошая осталась. А Эллиен целится в меня лампой. А я сижу, как дурак, и делаю вид, что я умный».

Вспышка следовала за вспышкой. Получилось много интересных кадров: белка на стопке книг, белка у меня на спине хвостом вверх. Но лучше всего вышел кадр, где я пишу, а белка сидит рядом с рукописью и смотрит.

Тут как раз пришло письмо из Москвы. Журнал «Детская литература» сообщал, что моя статья «О доверчивости, правде и интонации» принята. В этой статье я размышлял о том, какой должна быть литература для самых маленьких. Редактор просил срочно прислать фотографию, статьи в этом журнале печатались с фотографиями авторов. Я послал свое изображение с белкой. Читатель сразу должен был понять, какой перед ними интересный писатель, в каком удивительном кабинете он пишет, совсем как в сказке Пушкина:

Белка там живет ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поет,
Да орешки все грызет.

На фотографии были видны и скорлупки от орешков.

Как я ждал этот номер журнала со своей статьей! Наконец он вышел. Я открыл нужную страницу и сразу увидел свою фотографию. Все было на месте: белая рубашка с отложным воротничком, умное лицо, перо в руке, занесенное над бумагой. А белки не было. Редакционный художник заретушировал ее и остался я один на фотографии.

НОВЫЙ ДОМИК

Время от времени Эллиен купала Кубика. Он не любил эту процедуру, из ванной доносился визг, лай. Пес вырывался, но хозяйка держала его крепко, намыливала кучерявую шерсть, взбивала пену. Пес смирялся и лишь негромко скулил.

В этот раз ему удалось убежать. Он носился по комнатам, отряхиваясь, обдавая нас брызгами воды и шампуня. Царапке передалось его возбуждение. Она тоже носилась вслед за ним по квартире.

— Тебя тоже надо искупать, — погрозила Эллиен пальцем Царапке. — Надо только придумать, как тебя держать, чтобы ты не кусалась. Кстати, а как белки купаются в природе?

Я пожал плечами.

Эллиен, наконец, удалось схватить Кубика. Она положила его к себе на колени, принялась вытирать старой юбкой, напевая:

— «Самая нелепая ошибка то, что ты уходишь от меня».

И тут она обнаружила у пса на боку небольшую проплешину.

— Ой! — услышали мы вопль. — А вдруг это стригущий лишай? Он заразит Царапку и нас. Принеси мне скорее зеленку.

Я принес пузырек. Эллен принялась раскрашивать пса зеленкой. Мазала и там, где никаких проплешин не было, но ей казалось, что там тоже выпадает шерсть. Белка крутилась около.

— Прогони ее! — потребовала Эллен. — Царапочка, не подходи к нему.

Она опустила Кубика на пол. Пятнистый пес побежал на кухню к бабушке.

— Господи, на кого ты похож, — ужаснулась она. — Леопард какой-то, а не собака.

На ночь Кубика закрыли в прихожей. Утром Царапка проснулась раньше всех и немедленно принялась за работу, начала грызть угол двери в прихожую, за которой скулил и царапался пес.

Звери, конечно, разбудили нас. Мы начали готовиться к поездке в ветлечебницу. Эллен заказала такси на девять часов утра. Стали думать: в чем везти?

Одно время во Франции были модными дамские сумки больших размеров. В руках женщин они казались смешными и их стали называть «смешными», то есть, «ридикюль».

У Эллен имелись в квартире кашпо, был и ридикюль из черной лакированной кожи с замком, который защелкивался так громко, словно перекусывал толстую проволоку. Замок, впрочем, давно испортился. В своем ридикюле Эллен и повезла Кубика на Железнодорожную улицу, где над двухэтажным зданием из красного кирпича развевался белый флаг с зеленым крестом.

Вернулась она счастливая:

— Граждане, это не стригущий лишай. Ветеринар, симпатичный такой, с усами, как у кота, сказал, что я слишком часто купаю свою собаку. Царапочка, где ты? Я не буду тебя купать.

Выпал первый снег, за окнами побелели: тротуары, деревья, крыши соседних домов. К зиме на кончиках ушей у белки появились кисточки, снова стал пушистым хвост.

Часами Царапка прыгала по подоконнику в гостиной. Расстояние с одного конца к другому она преодолевала в два прыжка. И моталась, моталась туда, сюда. Было понятно, почему те, кто держит ручных белок, придумали специальный спортивный снаряд для упражнений зверька — «беличье колесо». Потребность в движении у этих «летающих» грызунов огромная. Забираясь внутрь колеса и вращая его быстрыми лапками, белка за день могла пробежать, оставаясь на месте, несколько километров.

Мы тоже хотели купить беличье колесо, но не нашли. Хотели заказать столяру, но так и не сделали этого. Царапка сама себе выбрала место, где упражнялась часами в беге и прыжках — широкую доску подоконника. В углах, около стен с одной и с другой стороны, за несколько месяцев выросли на доске горки маленьких темно-коричневых катышков, которые сыпались из белки, особенно когда она начинала прыгать утром или после обеда.

Теперь известно, что эти темно-коричневые катышки (помет белок) — одно из главных составляющих редкого и очень целебного лекарства — мумие. Охотники за ним лазят по горам, выковыривают из расщелин с риском для жизни темную клейкую массу. А мы, выходит, могли бы собирать мумие прямо у себя на подоконнике.

Наша рыжая прыгуныя была энергичной, много двигалась, летала по комнатам, распушив хвост. Но все-таки жизнь в квартире была не такой просторной, как в лесу. К тому же бабушка ее баловала, наливала по утрам теплого молока в блюдечко, покупала на базаре самые лучшие орехи и грибы. Царапка растолстела. В первые дни, когда я прорезал для нее круглую дырку в посылочном ящике, она свободно туда проскальзывала. Прошло немного времени, и она уже с трудом протискивала туда свое белое пузочко. Ей приходилось теперь чуть ли не каждый вечер обгрызать края у дыры, иначе она могла бы просто остаться на улице, и ей пришлось бы идти ночевать в клетку.

Поздно вечером, проходя их кухни к себе в кабинет, я обратил внимание, что мы уже несколько дней не отрывали календарные листки. Я оторвал за несколько чисел сразу, положил на край шкафа и замер перед домиком белки. Черная дыра в посылочном ящике не была закрыта.

— Эллен, а где Царапка?

Моя жена читала книгу на тахте. Она мельком посмотрела на меня:

— Спит.

— Спит? А вход не закрыла?

Я подтащил табурет, взял календарный листок, из только что оторванных, просунул в ящик, пошуршал там.

— Эй, ленивка, вот тебе шторка, закройся.

Проделал так несколько раз. Обычно Царапка хватала лапками и зубами бумажку и утаскивала внутрь.

— Не буди ее, — сказала Эллен.

— В домике ее нет.

— Не может быть! — Моя жена вскочила с тахты. — Пусти, я посмотрю.

Я подвигал ящик по шкафу, постучал по нему:

— Вот, пожалуйста.

— Что такое? — спросила бабушка из-за шкафа.

— Ничего, бабулия, спите, — успокоила ее Эллен. — Белка пропала.

Конечно, после этих слов бабушка вылезла из постели, натянула халат и вышла к нам. Прибежал раскрашенный зеленкой Кубик. Все вместе мы обошли комнаты, проверили форточки.

— Ты здесь, — принялась журить Эллен пса, — а Царапки нету. Где твоя подружка?

Кубик виновато вилял хвостом и жмурился, глядя наверх, куда мы все глядели, стараясь найти зверька, живущего «на втором» этаже.

— Нет, она не могла никуда убежать, — уверенно сказал я.

Мы стали выкрикивать наперебой:

— Царапка! Царапка!

На книжном стеллаже, на самом верху, так сказать, на крыше, стоял ридикюль, в котором Эллен возила пса к ветеринару. После возвращения Кубик по доброй воле несколько раз забирался в него. Ему нравилось сидеть в ридикюле. И тогда Эллен поставила кожаную сумку на стеллаж. Она собиралась починить замок и ходить со своей «смешной» сумкой по городу.

Ридикюль вдруг шевельнулся, створки вверху чуть-чуть разошлись и наружу просунулись кисточки ушей белки, а потом и заспанная мордочка. Царапка так хотела спать, что не могла смотреть на нас при ярком свете. Глаза у нее моргнули и закрылись. Она поторчала некоторое время с закрытыми глазами, держась лапками за край сумки, и юркнула

вниз. Створки над ее головой соединились крутой кожаной крышей ногового домика.

Теперь «на втором» этаже был выстроен целый город. На шкафу домик из посылочного ящика и клетка-столовая; на стеллаже домик-ридикюль. Сначала я подумал, что толстеющей Царапке надоело обгрызать края дыры, чтобы пролезать в посылочный ящик. И поэтому она нашла себе новое жилье. Но скоро выяснилось, что в ее фанерном домике завелись рыжие тараканы. И белка не захотела с ними жить.

Много времени прошло. Царапка по-прежнему обедала в клетке-столовой, спала в ридикюле. Нырнет туда, и края сумки плотно сходятся над ней и почти не пропускают света. А в свой старый домик белка не зашла больше ни разу, хотя мы его не убрали. Она оставила его тараканам.

СНЕГ

Наши звери совсем разбаловались. Начали гоняться друг за другом. Царапка пробежалась по полкам на кухне. Загремели на пол жестяные банки с чаем и лавровым листом. Перебираясь с полки на полку, белка уцепилась когтями за пакет с пшеном, опрокинула его и сама сорвалась на стол в тарелку с мукой, где бабушка обваливала сырники.

— Ох! Ох! — послышалось с кухни. — Что натворила, хулиганка!

Царапка убежала, разнося на лапках и животе муку по всей квартире. Кубик от грохота банок забился под стол.

Бабушка, причитая и охая, принялась собирать все с пола. Потом начала подметать. Из-под стола выскочил Кубик и вцепился в веник зубами.

— Пусти, ты что?!

Бабушка тянула в одну сторону, пес в другую и при этом он энергично мотал головой, рычал, и был сильнее.

— Эллен! Эллен! — крикнула бабушка.

Прибежала моя жена. Вдвоем они отняли у пса веник.

Когда Кубик был маленьким, Эллен тыкала его в нос веником, если он присаживался писать посередине комнаты или начинал грызть угол ковра. Учила его жить. И веник стал главным врагом пса.

— Ну, все! — сказала Эллен. — Будем учиться подметать вместе.

Она поймала Кубика, взяла его одной рукой под мышку, во вторую взяла веник и, расхаживая по комнате, начала подметать мусор:

— Смотри, смотри, чего отворачиваешься?

Пес не вырывался, он даже не скулил, только отворачивал голову в сторону.

Эллен подмела на кухне и, не выпуская пса, отправилась подметать мой кабинет. Кубик терпеливо болтался у нее под рукой, отворачивал голову и смотрел сквозь лохматый чуб одним глазом, но чаще зажмурился, чтобы не видеть, как она машет веником.

— Нет, ты открой глаза. Ты смотри! Вы с Царапкой будете мусор разводить, а мы не имеем права подмести пол?

Царапка, услышав свое имя, влетела в кабинет откуда-то сверху, должно быть, с двери. Распушив хвост, она спланировала на мой стол, прыгнула на меня, сунула голову в карман куртки. Орехов там не было. Она тотчас выскочила, перелетела на книжную полку, оттуда на штору. Спустилась по ней на подоконник.

Мой кабинет находился в угловой комнате, самой маленькой в квар-

тире, но зато в ней было два окна. Одно выходило на широкую улицу, по которой постоянно проезжали трамвай, искря дугой и дребезжа, отчего начинали дребезжать и стекла в рамах.

Мой письменный стол был придвинут к этому окну. Отсюда я мог видеть, помимо трамвайных рельсов и людей на остановке, трехэтажные финские дома с островерхими крышами на противоположной стороне улицы.

Второе окно выходило в узкий переулок, ограниченный с нашей стороны многоэтажными кирпичными домами, а с противоположной стороны — парковыми посадками. Это окно было до половины занесено с улицы пушистым снегом. А изнутри после оттепелей, которые сменялись морозами, на раме выросли мутные глыбы льда, достающие до стекла и сами похожие на запыленное стекло.

Эллен, наконец, умиротилась таскать пса под мышкой. Она опустила его на пол. Кубик тут же убежал с лаем, так он выразил свое недовольство. А Царапка сидела на подоконнике около глыбок льда, словно примерзла к ним мордочкой.

— Эй, смотри-ка, — сказала Эллен, — она лижет стекло. Нет, она грызет лед.

— Да, не первый раз уже, — сказал я.

— Может, ей дать снежку.

— Дай.

Эллен открыла форточку и, свесившись рукой на улицу, достала с той стороны подоконника горсть вчерашней метели. Эту горсть она высыпала в блюдечко и поставила перед белкой. Царапка понюхала, потом мордочкой воткнулась в снег, сделала несколько движений головой. Снег разлетелся, остался только поблескивающими капельками на усах.

— Видал, как ей нравится? — сказала Эллен. — Может, они так умываются, вернее, купаются? Надо бы проверить. Кто пойдет за снегом?

— Я сейчас оденусь, — засуетилась бабушка.

— Ну, вот еще, — возразила Эллен. — Тут есть кое-кто и помоложе.

— Ладно, — пробурчал я, — у вас всякие звериные фантазии, а я выполняй.

Снег во дворе еще не успел потемнеть и слежаться. Он был как пух. Я наполнил таз с верхом. Внес его в дом, поставил на ковер, в гостиной сразу посвежело, запахло лесным морозным воздухом.

Царапка побежала к тазу. Сделала несколько прыжков вокруг него, принюхиваясь. Стала на задние лапки, положила передние на край посуды, заглянула. И вдруг подпрыгнула вверх, шлепнулась в середину принесенного мною сугроба, начала работать лапками, снег полетел во все стороны. Зарылась с головой так, что один хвост остался наружи, вынырнула: на усах снег, уши в снегу, мордочка в снегу. Посмотрела, посмотрела и снова — головой в снег и давай лапками копать. Выскочила, перевернулась на спину. Во время очередного прыжка подлетела над тазом и шлепнулась на ковер.

Началась игра. Разбежится, нырнет головой в снег (у людей это называется «ласточкой») и выскакивает по другую сторону на ковер. Носится вокруг таза, в котором я принес зиму, прыгает мячиком, на усах и на боках поблескивают капельки тающего снега. Разбросала по комнате весь сугроб. Легла на спину на ковре, подхватила комочек снега и начала его катать по животу, словно хотела намылиться.

Мы стояли поодаль, удивленные и обрадованные тем, что угадали желание Царапки — искупаться в снегу.

На другой день Эллен сказала:

— Давай-ка еще раз устрою ей баню, пока снег во дворе чистый, пушистый. Когда еще будет хорошая метель.

Я решил усложнить игру. Положил на дно таза несколько желудей и засыпал их снегом. И точно: Царапка, купаясь, стала выскакивать с желудем в зубах.

Я сразу вспомнил, как выслеживал черную белку в Уссурийской тайге. Она прыгала, широко расставляя лапы, и копала в снегу глубокие ямки, добираясь до травы, до мха, где зимовали землеройки, зверьки величиною с небольшой желудь. Но там вокруг росли березы и дубы. Может, белка и не мышковала вовсе, а искала желудуди?

Мы почти каждый день делали маленькие открытия благодаря общению с нашей маленькой игруней. Она научилась искать у нас в карманах орехи, потом стала прятать запасы на черный день у нас же в карманах и в разных вещах. Полезешь рукой в пустой карман дубленки, которую несколько дней не надевал, а там — грибы. Начнешь обуваться, одного носка, а то и двух, — нет. Утащила к себе в домик-ридикюль. Возьмешь другие носки, сунешь ногу в ботинок, — что-то мешает. А там — орехи.

Перед Новым годом бабушка принесла с базара несколько больших апельсинов. Царапка тут же украдал один. Бежит с ним по спинке тахты, подпрыгнуть не может, оранжевый шар ее перевешивает. Все-таки добралась до подоконника и там положила в уголочек. И стала совершать обычные свои прыжки вдоль стекла от стены к стене. Апельсин просто лежал. Царапка утащила его, потому что красивый. Она даже не попыталась его надкусить. Апельсиновую мякоть не ела вообще. Иногда под настроение обгрызала апельсиновые и мандариновые корки изнутри.

Около часа она прыгала по подоконнику, и красивый оранжевый шар был все время в поле ее зрения.

Мимо пробежал Кубик. Белка цокнула, метнулась за его хвостом. Бабушка в это время забрала апельсин.

Царапка наигралась с Кубиком, прискакала на подоконник, обнаружила пропажу. Как она заволновалась! Как возмущенно принялась цокать и дергать хвостом. Прибежала на кухню, принялась искать апельсин.

— Ну, что вы, бабулия, — сказала Эллен. — Жалко вам апельсин? Пусть радуется.

Пришлось положить снова на подоконник оранжевый шар. После этого белка успокоилась и принялась размеренно совершать свои прыжки по подоконнику.

На Новый год мы поставили в ведро высокую зеленую елку. Но убирать ее игрушками не стали.

— Пусть стоит, как в лесу, — сказала Эллен.

ВЕСЕННИЕ ИГРЫ

Весна наступила неожиданно. Я сидел за своим письменным столом. Передо мной лежал белый лист бумаги. За окном, на той стороне улицы, белели островерхие крыши домов.

Вдруг раздался легкий звон и скрежет по цинковому козырьку подоконника. Я поднял голову и увидел за стеклом окна белку. Поставив лапки на раму, она заглядывала через стекло с улицы в кабинет черными, быстрыми бусинками глаз. Ветерок слегка ерошил шерсть на ее спине.

Я попятился вместе с креслом из-за стола, прибежал на кухню, где бабушка и Эллен готовили обед.

— Бабулия, — командовала Эллен, — морковочку порежьте крупно.

— Сама знаю.

— Морковочку? — спросил я. — Ха-ха!

— Что с тобой? — удивилась жена.

— Где у вас Царапка?

— Как где?

— Она у меня за окном.

Эллен и бабушка прибежали за мной в кабинет. Царапка весело смотрела на нас через стекло. Весенний ветерок гулял по ее спине.

— Открывай скорее балкон, — приказала мне Эллен.

Толкаясь в дверях кабинета, мы высочили в гостиную. Верхний шпингалет поддался сразу, с нижним пришлось повозиться, он успел за зиму слегка заржаветь. Я рванул на себя балконную дверь. На пол полетели пожелтевшие бумажные полосы с прилипшими к ним клочками ваты, которыми на зиму мы заделывали все щели. Прохладный воздух ворвался в квартиру. Эллен высунулась на балкон. Ветер взъерошил ей волосы, халат она запахнула на груди и держала одной рукой.

Белка, увидев ее, подскакала к самому краю узенького цинкового козырька, но прыгнуть с него на перила балкона не решилась.

— Царапочка! Царапочка! — позвала Эллен. — Ну, давай, Царапочка. Давай!

Белке надо было только перелететь с козырька подоконника на перила балкона. Она примеривалась для прыжка, но потом села, отпрыгнула от края на середину козырька, скользя по нему когтями и готовая вот-вот сорваться вниз. Незаметно наступил второй период линьки, весенний. Царапка боялась прыгать с подоконника на балкон, потому что ее укороченный, выщипанный хвост стал таким жиденьким, что летать и управлять своим телом с помощью хвоста ей было трудно при таком ветре. Ее просто сдуло бы вниз.

— Надо открыть форточку! — крикнула Эллен. — Царапочка, посиди там, мы сейчас тебе откроем форточку.

Осенью обе форточки в моем кабинете и форточку в гостиной мы затянули матерчатой зеленой сеткой, чтобы можно было проветривать квартиру. Я стал коленками на письменный стол, впустил ветер в кабинет. На пол полетели листки рукописи. Мне было не до них, я отдирал в открытой форточке сетку. Рядом со мной вскарабкалась на стол Эллен. Чтобы подманить Царапку, она схватила на кухне первое, что попало под руку — головку лука. И стала ее стучать по подоконнику.

— Царапка! Царапка!

Белка следила через стекло за ее действиями с интересом. Затем она вскарабкалась по раме, влезла в форточку и некоторое время оставалась там обдуваемая ветром, взъерошенная, словно раздумывая, возвращаться ей в душную квартиру в свой домик-ридикюль или остаться на улице, поискать место, где она могла бы себе устроить гнездо.

— Царапка! Царапка! — продолжала звать Эллен и стучала по подоконнику луковицей громко, как будто орехом.

Белка спрыгнула на стол, деловито подскакала к руке, ткнулась носом в луковицу и зацокала, задергала хвостом. Запах ей не понравился. Она поняла, что ее обманули, подсунули вместо ореха луковицу.

Бабушка очень переживала, стояла, скрестив на груди руки, ожидая,

когда нам удастся подманить рыженького зверька. И когда все закончилось, тихо спросила:

— Как же она могла убежать?

Мы стали выяснять, и пришли к выводу: выскользнула через форточку на кухне, где сетки не было. С козырька кухонного подоконника прыгнула на балкон, посидела на сырых деревянных перилах, захотела домой, а балконная дверь закрыта. Тогда Царапка прыгнула с балкона на цинковый козырек моего окна, чуть не сорвалась, выщипанный хвост плохо помогал летать. Вернуться на балкон не смогла, когти скользили по железу, оттолкнуться, как следует, не было возможности. Я услышал скрежет когтей о железо, когда она попыталась оттолкнуться и заскользила. Но удержалась. После этого стала заглядывать в кабинет и скребла лапками по стеклу, привлекая мое внимание.

Мы тщательно закрыли балконную дверь, форточки, но весна уже ворвалась в наш дом. Через день бабушка вынесла на балкон кастрюлю с компотом — охладить. Нагнулась и увидела, как над ней пролетел рыжий хвост. Посмотрела и обмерла: белка сидит на перилах ограждения, вертит мордочкой, принюхивается к выпавшему ночью снегу.

— Ах, ты, шустрая какая, — сказала бабушка. — Как же это я? Не бойся меня, Царапочка, не бойся.

Бабушка хотела схватить ее, но белка подпрыгнула и оказалась не под рукой, а на руке. Метнулась по плечу, перебежала на спину, оттуда прыгнула на перила балкона.

— Бабуля, что вы там делаете? — приподнялась с тахты Эллен. Увидела, что бабушка ловит белку, схватила сзади за пояс платя, потянула в комнату. — Бабуля, не пугайте ее, пусть сидит.

Балконную дверь мы оставили открытой, собрались все у окна, чтобы видеть, что будет делать Царапка. Кубик сунулся к открытой двери, Эллен поймала его, прижала к себе, чтобы не вырвался.

— Спокойно! Спокойно, дружок. Не пугай свою подружку. У нее свидание с природой.

Мы понимали: белке некуда деваться. Квартира наша на третьем этаже. Лететь до земли далеко, можно разбиться. Перепрыгнуть на цинковый подоконник кухонного окна или кабинета побаивалась, помнила, наверное, лапками и хвостом, что это небезопасно, можно соскользнуть.

Царапка сидела на узеньких перилах ограждения. Ветер слегка относил в сторону ее хвост, взъерошивал рыжую шерстку. Ушки стояли торчком, усатая мордочка принюхивалась к ветру. Пробежала по перилам с одного угла до другого и снова замерла, вытянула шею и сама вся вытянулась, как сторожевой воин, осматривающий окрестности. Прохожие на улице останавливались, показывали пальцами:

— Белка на балконе! Белка на балконе!

Царапка смотрела на прохожих, на деревья в парке, даже свесилась немножко головой вниз, но прыгать не собиралась — высоко.

День был солнечный. Яркие блики отражались в окнах домов на противоположной стороне улицы. Снег на островерхих крышах ярко искрился. Прогромыхал трамвай с шапками снега на крышах вагонов. Снег лежал повсюду. Белый, слепящий глаза.

Прилетели две крикливые вороны. Сели на конек крыши дома, расположенного у самой остановки. Птицы заинтересовали белку. Она сделала несколько прыжков к тому углу балконного ограждения, откуда была лучше видна трамвайная остановка и островерхая крыша зеленого

дома. Вороны что-то каркнули друг дружке, а затем одна и другая легли на бок и покатались по склону заснеженной крыши, как мальчишки с горки на фанерках. Падая, вскрикнули громко, взвились вверх и снова опустились на конек крыши. Походили по нему и снова, как по команде, легли на бок и покатались по склону крыши, бороздя сложенными крыльями рыхлый снег.

Они это проделали несколько раз, собрав такую же толпу зевак на остановке, как белка у нас под балконом.

— Вот и весна! — сказала бабушка. — Птицы свадебные игры играют. Белка убежала, хвостом помахала.

— Что вы такое говорите, бабулия, никуда она не убежала. Вот увидите, сама вернется. Только не стойте перед дверью, не пугайте ее.

Словно услышав, что сказала Эллен, Царапка метнулась с балкона в комнату. Громко цокая, она взлетела в несколько прыжков на свой второй этаж, где у нее были клетка-столовая и два домика.

С этого дня мы перестали заботиться об открытых форточках. Балконная дверь была постоянно открыта, потому что отопительный сезон не закончился, и в квартире было жарко.

Яркое солнце манило всех на улицу. Эллен выходила на балкон в своем шелковом халате с драконами. Стояла там, облокотившись на перила, рассматривала внизу трамваи и прохожих. А рядом сидела белка, ловя ветер мордочкой, подрагивающими кисточками ушей и задранным вверх хвостом. Порывы ветра были сильными, взъерошивали спинку и хвост. Царапка переступала лапками, стараясь, чтобы ее не сдуло ветром. Она прыгнула и села рядом с рукой Эллен, из которой брала орехи, разжимая пальцы. Эллен погладила ее:

— Будь осторожна, Царапка. Туда прыгать нельзя.

ФОКСТЕРЬЕР КУЗЯ

Мы ждали гостей. Я наводил порядок в своем кабинете. Эллен возилась в прихожей.

— Ой! — услышался удивленный голос. — Она съела.

Я поспешил в прихожую:

— Что?

— Она съела пуговицу на твоей шубе. Пуговица кожаная, где я возьму такую?

Я повертел пуговицу на дубленке. Она была вся изгрызена.

— Нет, — возразил бодро, — не съела, а надкусила. И к тому же цыган еще в январе шубу снял. Весна. Пора переходить на летнюю форму одежды.

Царапка лежала на полочке для шляп и шапок. Она слушала наш разговор, свесившись головой вниз, посверкивая черными глазками.

— Уходи, хулиганка, отсюда, — замахнулась на нее Эллен.

Общими усилиями мы прогнали ее в комнату.

И тотчас раздался звонок в дверь.

Подруга Эллен, главный редактор Центрально-Черноземного издательства Александрин, неожиданно вышла замуж второй раз за пожилого человека и пришла к нам с ним, со своей взрослой дочерью, девятиклассницей Леной и собакой.

Жесткошерстный фокстерьер Кузя был свадебным подарком мужа. Белый, с рыжими подпалинами на спине и боках, он на ощупь напоми-

нал упругую, как мячик, щетку. А морда у него была квадратная, похожая на кувалду. Охотничий пес сразу учуял белку. Вырвав поводок, он с лаем ринулся в гостиную.

Бабушка, вышедшая из кухни встречать гостей, испуганно шарахнулась назад, захлопнула за собой дверь. Кубик трусливо забился под кресло и даже не помышлял о защите своей территории. Белка в панике заметалась «на втором» этаже. Мелькнули ее остренькие уши и хвост в щели домика-ридикюля и сомкнулась крыша сумки над головой игруньи-попрыгуньи. Царапка спряталась. Но Кузя видел, куда она убежала. Он подпрыгивал на высоких крепких лапах, лаял.

Дочка Александрин, круглоликая полная девочка с толстой косой, разругалась, пытаясь схватить собаку. Но удержать упругое тело пса-охотника не могла. Он выпрыгивал у нее из рук, бросался к стеллажу.

Фокстерьер — иностранное слово. Первая часть «фокс» — лиса; вторая часть «терра» — земля. Кузя был из породы норных собак для охоты на лис, мелких зверьков, живущих в земле под корнями деревьев. Рыжий пышный хвост мелькнул перед носом и улетел вверх, спрятался в кожаном ридикюле. Пес сообщил об этом хозяину громким лаем и не понимал, почему тот стоит и смеется.

— О-о-о! Ха-ха-ха! Какой охотник! Сразу учуял зверя!

Новый муж подруги, Семен Иоганыч Сирота, военный юрист в отставке, яхтсмен, охотник, не мог устоять на месте, прыгал на своих кривых ногах рядом с Кузей, подзадоривал его:

— Как же ты ее упустил? Прыгай выше! Ха-ха-ха! О-о-о! Посмотрите на него. Он готов прыгнуть до потолка.

Александрин, женщина тоненькая, хрупкая, с нарисованным фарфоровым румянцем на щеках, укоризненно качала головой:

— Семен, Семен, ну что ты прыгаешь? Семен, мы сейчас же уходим. Ты и твой Кузя не умеете вести себя в гостях.

— Мы уходим, — восторженно отозвался он. — Мы все уходим на улицу. Там такая весна. Ворона читает газету.

— Семен, ну что такое ты говоришь?

— У них из окна, должно быть, видно.

Кузя прыгал и лаял. Семен Иоганыч прыгал и смеялся от охотничьего возбуждения. Стараясь перекричать пса, он разговаривал громко, сильно жестикулировал. Метнул руку в сторону открытой двери, в мой кабинет, и сам устремился туда впереди хозяев.

— О-о-о! Вы должны это увидеть. Ворона читает газету «Коммуна».

Из моего бокового окна, выходящего в переулочек, была видна парковая аллея. Снег за последние дни истаял до черной земли, деревья стояли по щиколотку в воде. По закрайкам, около тротуаров, еще держался пористый матовый снежок, который легко разрушался, когда на него наступали.

Темная вода, разлившаяся по всей аллее, поблескивала. На высокой березе, прямо против окна, сидела серая ворона. Она разложила на веточках вершины газету (был виден заголовок «Коммуна») и когтями растопыренной лапы, клювом разворачивала страницы, которые были разложены уже довольно широко. Было полное впечатление, что ворона водит клювом по строчкам, читает. На самом деле, ей в мусорном баке или где-то на свалке достался сверток с едой в смерзшейся газете. Может быть, там даже был бутерброд с сыром. И она терпеливо его разворачивала.

Семен Иоганыч подпрыгивал у окна, выбрасывал руку вперед:

— О-о-о! Ха-ха-ха! Вот вам результат всеобщей грамотности. Ворона читает газету.

— Эллен, мы тут натоптали, — сказала извиняющимся тоном Александрин.

Слякотные следы остались повсюду. Леночка кинулась умирать Кузю, не сняв пальто и сапог. Семен Иоганыч, разделяя охотничий азарт пса, прыгал рядом с ним около стеллажа. А потом всех увлек в мой кабинет смотреть на ворону.

— О-о-о! Ха-ха-ха! Кузя нас всех подвел под монастырь, — засмутился он. Сделал шаг и увидел, что его ботинки продолжают оставлять следы. Он остановился, развел руками.

— Ничего, ничего, — сказала Эллен. — Сейчас дам тапочки.

— Нет, нет, мы уходим, — твердо заявила Александрин. — Семен, Леночка, мы уходим. Мы подождем вас на улице.

Кузю невозможно было вытащить из квартиры. Он чувствовал себя на охоте. Он загнал рыжего зверька с пышным хвостом в сумку. Глупый хозяин не видит и не понимает, что надо просто взять со стеллажа сумку. Александрин схватила Кузю за ошейник. Ей с трудом удалось вытащить упирающегося пса на лестничную площадку.

За гостями захлопнулась дверь. Лай Кузи раздавался где-то внизу. Наконец наступила тишина. Бабушка осторожно выглянула из кухни.

— Ушли? Как будто Мамай проехал. Эллен, ты им скажи, чтоб они больше с собакой не приходили

— Ладно, бабулия.

— Ихний Кузя напугал Царапку. У меня у самой все оборвалось, когда он пролетел мимо кухни, как дьявол.

— Ладно, бабулия, ладно, — повторила Эллен. — Кузя — охотничий пес. Он не виноват.

Вылез из-под кресла Кубик. Из домика-ридикюля высунула ушки белка, настроила их, как антенны, вертела мордочкой во все стороны, прислушивалась. Потом вылезла до половины, хвост оставался в ридикюле. Держалась лапками за край сумки, смотрела вниз, моргала испуганно. Убедившись, что пса-охотника увели, выскочила из сумки, длинным прыжком перелетела на горшочки с цветами; оттуда на телевизор; с телевизора прыгнула на спину Кубика. Пес крутнулся, сбросил белку с себя. Царапка весело от него убежала, вскарабкалась на торшер по рукаву майки. Это были обычные домашние игры белки и собаки. Чужак ушел, и нашим верхним и нижним зверям снова было хорошо вместе.

Мы с Эллен быстро оделись, спустились вниз. Жили мы около парка. Гости часто заходили к нам, чтобы вместе отправиться на прогулку по холмам. Сегодня мы надеялись найти первые подснежники. Но парковая аллея была вся залита водой, и к оттаявшим холмам со стороны нашего переулка невозможно было подойти.

Мы погуляли немного вдоль темной, в некоторых местах довольно глубокой лужи, на дне которой поблескивал лед. Наши гости сели на трамвай и поехали домой. А мы с Эллен наломали для Царапки молодых веточек ольхи и березы с черными, набухшими почками и с этими подарками вернулись к нашему дружному семейству.

Звери были нам рады. Белка сразу же прибежала на запах веточек, прыгнула к Эллен на пальто, и принялась грызть почки, сидя на рукаве, дотягиваясь мордочкой до весеннего букета.

ПОБЕГ

Теплый ветер хлопнул открытой балконной дверью, залетел в комнату, подбросил штору на окне. Царапка выскочила из клетки, выронив на крышу шкафа большой грецкий орех, который успела обточить, но еще не разломила.

Штора медленно опала, белка метнулась за уползающим из комнаты ветром на балкон. Мелькнул на перилах ограждения ее вздернутый хвост.

Мы привыкли к тому, что квартира перестала быть для Царапки клеткой с затянутыми решетчатой сеточкой форточками. И все-таки я каждый раз пугался. Мое появление на балконе рыжая игрушка восприняла спокойно. Она вертелась, подставляя ветру спину и хвост.

Сильным порывом ее чуть не сдуло. Я даже руки протянул инстинктивно, чтобы схватить зверька, но только напугал. Царапка прыгнула с перил на кирпичную стену и стала перемещаться, цепляясь всеми четырьмя лапками за невидимые мне трещины и выступы.

— Царапка! Царапка! Я — здесь! — крикнул я.

Она услышала мой голос, замерла на мгновение на отвесной стене. Но тут же снова стала перемещаться рывками по гладкой кирпичной кладке к углу дома, с каждым прыжком приближаясь к земле. Было удивительно, что она не падала даже когда останавливалась, чтобы послушать, что я кричу. Распластавшись, широко расставляя лапки, прижималась к стене и затем снова начинала двигаться. Минуты балконы и окна на втором этаже, белка спустилась на крышу витрины гастронома, который находился в нашем доме. Не обращая внимания на мои крики, не оглядываясь, добежала до края и нырнула вниз. Мелькнул ее хвост на стене около самого угла. До земли было уже недалеко, она оттолкнулась от стены и спланировала на асфальтовую дорожку. На какое-то время я ее потерял за ящиками, сложенными у входа в магазин, и увидел уже перебирающуюся через поблескивающие трамвайные рельсы на другую сторону улицы.

В открытых дверях балкона стояли, прибежавшие на мой крик, бабушка, Эллен и Кубик.

— Что? Что? — спрашивала моя жена.

— Белка убежала.

— Как?

— Молча.

— Разбилась?

— Убежала через трамвайную линию — в сады. Оказывается, она может прыгать по стене, как по дереву. А мы, идиоты, распахнули все двери и окна.

— Она же сидела на перилах балкона и не решалась прыгнуть. Вся улица видела, — с недоумением развела руками Эллен.

— Сама, наверное, не знала о своих способностях. А тут, может, ветер дунул, может, я руку протянул. Она испугалась.

— Ну, конечно, — сказала моя жена, — столкнул бедную Царапочку, а теперь рассказывает нам тут сказки бабушки Куприянихи.

Несправедливое обвинение меня обидело. Мы поссорились с Эллен. Я ушел один искать Царапку.

Моя жена напечатала на машинке два десятка объявлений и ходила до темноты, развешивала их на столбах и заборах: «10 рублей — тому,

кто укажет или принесет убежавшую БЕЛКУ. Лесную, рыжую, зовут ЦАРАПКА. Березовая роща, 70, кв. 6. Телефон: 59-6-46».

А между тем Белка пропала не совсем...

Дальнейшие ее приключения передаю со слов очевидцев...

В домах с островерхими крышами на той стороне улицы жили отставники: генералы, полковники. Домов было много, они занимали все пространство от трамвайной линии до лесопарковой зоны, в которой располагались лесотехнический и сельскохозяйственный институты.

Я лазил по узеньким переулкам между садами, по пустырям и мелколесью. Добрел до клумбы перед старинным зданием сельскохозяйственного института. Звал белку, высматривал ее в ветвях деревьев, но вынужден был вернуться ни с чем.

А люди из домов с островерхими крышами видели белку. Деревья в садах топорщились в небо голыми черными ветками, рыжая беглянка была заметна на них.

Вышла женщина повесить белье, а на дереве, к которому привязана веревка, сидит белка.

— Юра, Оля! — позвала она своих детей.

Но Царапка их дожидаться не стала: с ветки на ветку, с дерева на дерево — полетела по садам, наслаждаясь свободой. На верхушках деревьев замелькал ее рыжий хвост.

В другом дворе Царапку видели мальчишки. Она сидела на заборе и смотрела, как они сколачивают скворечник. Это были внуки генерала Рыжакова, близнецы Коля и Миша. Они оставили на ступеньках крыльца недоделанный скворечник, двинулись к белке. Она подпустила их совсем близко, а потом по тонкой веточке перебежала на вишню, перепрыгнула на высокую старую грушу, спряталась от мальчишек за стволом дерева.

Видели Царапку и в других дворах. Людей она не боялась, подпускала на вытянутую руку, играла с ними в прятки, как играют с людьми дикие зверьки, встречаемые в природе. Черная белка в Уссурийской тайге, которую я застрелил из карабина, так же пряталась от меня за стволом кедра, как Царапка от мальчишек за стволом грушевого дерева. Быстро цепляясь за кору коготками, убежит и, поднявшись выше на метр, на два, выглянет с другой стороны. Опытные охотники потому стреляют их в глаз, что белки очень любопытны, смотрят на человека с нижних веток черными бусинками. Дробинка величиною с глаз и влетает с близкого расстояния, гася свет неба, зеленый шум деревьев.

В сумерках, после дневного сна, Федор Иванович Захаров, полковник в отставке, зашел на кухню в старых галифе со спущенными подтяжками, в стоптанных тапочках, которыми шмыгал по полу, не поднимая ног. Еще не до конца проснувшись, зажег газовую горелку, поставил чайник. Хотел включить свет, но услышал — кто-то скребется в окно. Обернулся и увидел: с той стороны окна висит на раме зверь с длинным хвостом. Полковник инстинктивно замахнулся, прогнал зверя и только тут сообразил, что это была белка. Он постоял, не зажигая света, зверек снова появился за окном. Темной тенью метнулся к форточке, начал скрестись. Полковник уже не так решительно махнул рукой, но все-таки прогнал. Когда дикие звери пытаются проникнуть в жилище человека, многие

пугаются. А вдруг зверек заражен бешенством и пытается пролезть в форточку, чтобы укусить.

Утром на следующий день наши соседи прочитали объявление на столбах и заборах. Зазвонил телефон, стали поступать новости из сада. По этим звонкам мы смогли проследить весь путь беглянки.

— Почему полковник ее не пустил? — горевала Эллен. — Пропадет Царапочка! Пропадет! Она уже не может жить без людей, а люди не пускают ее в дом.

Мы ждали новых звонков, но телефон молчал. На третий день под вечер, Эллен уже пришла с работы, раздался стук в дверь. Мальчишка в надвинутой на глаза кепке был совсем маленький, не мог дотянуться до звонка.

— Чего тебе? — спросил я.

— У вас белка пропала?

— Да.

— Идите, — сказал он, шмыгнув носом, и побежал вниз.

У подъезда на лавочке нас ждали пятеро мальчишек. Старший, лет одиннадцати, остроносенький, голубоглазый, держал на коленях клетку с белкой.

— Ваша? — спросил он строго.

— Она! Это она! — признала Эллен рыжую красавицу с толстым, раскормленным задом. — Царапочка, привет! Как вы ее поймали?

Выяснилось: белка все-таки нашла открытую форточку и вошла в дом. Она успела распотрошить пачку печенья в буфете, содрала обертки с нескольких конфет, прежде чем ее обнаружили.

— Держи! — Эллен вручила мальчику награду — десять рублей.

Руки у него были в царапинах и укусах.

— Что у тебя с руками?

— А!.. — махнул он, засовывая деньги в карман куртки.

— Бессовестная! Хорошему мальчику руки исцарапала. Тебе надо пойти к врачу, — посоветовала Эллен.

— А!.. — еще раз махнул рукой мальчишка. — Теть, клетку отдайте!

— Да, да, конечно, сейчас вынесем.

Через несколько минут я вынес клетку и пузырек с зеленкой:

— Давай помажу руки.

— А!.. — послышалось опять в ответ.

Мальчишки забрали у меня клетку и веселой гурьбой двинулись через арку на улицу.

БЕРЕЗА

Все наши знакомые в тот же вечер узнали новость. Первым делом Эллен позвонила Александрин. Трубку взял муж.

— Семен Иоганыч, белка вернулась.

Он, конечно, воскликнул:

— О-о-о! Ха-ха-ха!

Он так радовался, слушая рассказ Эллен, что моя жена прямо влюбилась в него:

— Вот настоящий друг! Красивое у него отчество — Семен Иоганыч. Звучит так же, как Иоган Себастьян Бах.

— Ну, уж и красивое, — возразил я, — совпадает всего одно слово.

— Ты не понимаешь, по отношению к животным он — Бах. А ты по отношению к нашей белке — Сальери. Столкнул с балкона Царапочку.

— Дура! — сказал я.

Эллен засмеялась. Мне не удалось ей испортить хорошее настроение. В этот вечер Семен Иоганыч получил красивое прозвище — Бах.

Царапка вернулась в дом и тут же начала гоняться за хвостом Кубика. Пес был счастлив, он успел соскучиться по своей рыжей подружке. Едва я закрылся от их шумной беготни в своем кабинете, Царапка оставила в покое Кубика и занялась дверью. Она не любила закрытых помещений и, обгрызая нижний угол моей двери, действовала по принципу, высказанному философом: «Каждая стена — это ворота». Впоследствии я убедился в том, что звери, живущие в доме, даже кошки и собаки, если они привыкли активно общаться с людьми, не дают никому закрываться ни в спальне, ни в кабинете, ни на кухне. Собака садится под дверь и начинает карябать ее лапой и тихонько подвывать. Кошка садится под дверь и начинает царапать-ся и мяукать.

Царапка предпочитала действовать зубами. За две недели после побега она обточила угол моей двери так, что он перестал быть углом, и она получила возможность просовывать ко мне в кабинет свой нос.

Кубик тоже пытался просунуть в образовавшуюся дыру свой нос-пипку. Но это ему не удавалось, и я слышал только, как он шумно дышит под дверь и чихает.

Деревья, так долго стоявшие в ледяной черной воде, зазеленели, дорожки подсохли. Я стал бегать по утрам с Кубиком в парке, делал зарядку на открытом воздухе. Там, где кончается аллея, за кустами шиповника, на холме рос дуб. Я цеплялся за одну из нижних веток, подтягивался, как на турнике.

А по воскресеньям мы встречались в парке (на холмах) с семейством Александрин. Они не заезжали предварительно к нам, как раньше. Александрин, Леночка, Семен Иоганыч и охотничий пес Кузя выходили теперь из трамвая на остановке «Динамо», рядом с которым находились главные ворота в парк и всякие будочки для продажи билетов. По центральной аллее, мимо аттракционов они вели Кузя на поводке в лесопарковую зону, где отпускали побегать.

Здесь не было подстриженных кустов, горбатых мостиков через ручей, комнат смеха, качелей, столиков под зонтиками. Эта часть, примыкающая к лесу, называлась «парк на холмах».

Мы пришли с другой стороны, по своей аллее, мимо зарослей шиповника, мимо дуба, ветви которого служили мне вместо перекладины. Спускаясь с холма, мы, как и прошлый и позапрошлый раз, увидели наших друзей. Они замахали руками. Мы тоже замахали руками. Кузя первым подбежал, вертелся около ног и, когда мы его гладили, подпрыгивал, норовил лизнуть в лицо.

Эллен и Александрин церемонно поцеловали друг друга в щечку. Семен Иоганыч радостно воздел руки к небу:

— Какая встреча! О-о-о! Ха-ха-ха! Я тут насобирав прошлогодних желудей для белки. Они твердые, гладкие, как будто вчера упали. Куда вам их высыпать?

— Семен, подожди с желудями, дай поговорить, — с улыбкой остановила его Александрин.

Ее дочь Леночка сразу отошла в сторону. Она была застенчива. На

вопросы отвечала односложно. Она всем телом ощущала весну в природе и свою весну. Раскрасневшись, бегала по холмам за Кузей. Ветерок шевелил вершины деревьев. Молодая листва посверкивала солнцем.

— Вот бы сюда Царапку и Кубика, — сказала Эллен. — Погуляли бы вместе.

— Кубика! Да-а-а! Почему вы его не взяли? — подпрыгнул на своих кривых, кавалерийских ногах Семен Иоганыч.

— Он боится Кузю.

— О-о-о! Кузя! — в голосе его звучало восхищение. — Охотник. Он здесь норы ищет. Вот — опять нашел.

На склоне холма возвышался старый дуб с обломанной вершиной. В его обнажившихся корнях зияла нора. Пес засунул туда свою морду-кувалду, и уже не было видно не только морды, но и половины его туловища. Снаружи дрожал от возбуждения стоящий столбиком хвост.

Леночка хватала Кузю поперек туловища, пыталась оттащить от норы. Семен Иоганыч побежал к ней:

— Лена, оставь его! Не трогай! Там — лиса! Воротник тебе на пальто.

Пес, выбрасывая назад передними лапами прелую листву, продвинулся еще немного вперед, и хвост его перестал дрожать. Нора была пустая. Он вылез, нос и лапы в земле, побежал по склону, отряхиваясь.

Мы все устремились за ним. Кузя выбирал направление прогулки. У тропинки, которая вела на следующий холм, пес остановился, чтобы обнюхать свежесрубленный, белый на сломе, березовый пенек. Сама береза валялась тут же. Я ее поднял, поставил, как она должна была стоять здесь и еще недавно стояла. Береза была высокая, но тонкая, с тонкими веточками, маленькими зелеными листиками.

— О-о-о! Срубили и бросили! — сказал Семен Иоганыч.

Александрин потрогала веточку:

— Какую красоту загубили. В парк с топором пришли.

Она оглянулась по сторонам, словно собиралась увидеть за кустами людей с топором. Эта настороженность передалась Эллен.

— Я бы таких на березовый кол сажала! — сказала она громко, почти крикнула.

Но никого, кроме нас, в этой части парка не было.

Леночка и Кузя убежали и были уже на холме.

— Можно отнести дерево нашей белочке в подарок, — сказал я.

— Как это? — не поняла Эллен.

— Ты веточки ей приносишь. А можно целую березу, как в лесу. Положим одним концом на шкаф, а другим — на оконный багет. Пусть бегают. У нее будет дорожка из зеленых веточек от домика-ридикюля к окну.

Я взгромоздил березу себе на плечо и почувствовал, что она пружинит и нести ее не так-то легко.

— О-о-о! Нет-нет! Нельзя! — уверенно сказал Семен Иоганыч. — У выхода нас остановит милиционер, скажет, что мы дерево в парке срубили.

— Семен прав, нельзя нести из парка дерево, — строго покачала головой Александрин. — Не только милиционер, нас любой человек остановит.

Я посмотрел на Эллен. Моя жена молчала. Она представила, как Царапка будет бегать по березе над тахтой, грызть веточки и листья, сорить прямо ей на голову. И эта идея понравилась моей жене.

— Не мы срубили, — сказала она. — Если остановят, мы скажем, что подобрали.

— А нам не поверят. О-о-о! Ха-ха-ха! Нас арестуют, — развеселился Семен Иоганыч.

— Вы идите, — посоветовал я. — А у меня есть тайная прямая дорога: по холмам, по холмам — нынче здесь, завтра там. Ну, все, я пошел!

Разговаривать, держа березу на плече, мне надоело. Тот, кто носил тяжести, знает, что легче идти, чем стоять. Я двинулся вверх по склону.

— Подождите, я помогу вам! — крикнул Семен Иоганыч. — Ха-ха-ха! Березы, березы, — пропел он.

Его стройная, хрупкого телосложения жена, с голубыми, словно фарфоровыми (как у куклы) глазами, некоторое время смотрела ему вслед, растопырив ресницы. Потом позвала:

— Семен!

— А-а-а! Я сейчас! — виновато помахал он рукой.

Вдвоем мы резво потащили березу. Мне достался толстый конец. Семен Иоганыч никак не мог ухватиться за тонкий: ветки мешали. Но потом он приспособился, передвинулся поближе к середине ствола, где веток было поменьше. Мы чувствовали себя преступниками, укравшими в парке дерево. Шагали торопливо, оглядывались, если видели за деревьями людей, старались их обойти. Взобравшись на последний перед домом холм и дойдя до моего дуба, мы остановились передохнуть. Семен Иоганыч был в два раза старше меня. Он очень устал.

— Уже близко, — сказал я.

Он кивнул; отдышавшись, спросил:

— Кажется, миновали все посты.

Я засмеялся:

— Что же мы с вами так боимся?

Он улыбнулся, развел руками. Мы подхватили березу, некоторое время шагали по другую сторону от парковой аллеи вдоль опытного поля сельскохозяйственного института, на котором густо зеленели всходы пшеницы. Потом выбрались в наш переулок. Навстречу шли люди, занятые собой, своими разговорами. Никто не думал нас останавливать, никто не спрашивал, где мы взяли березу и куда несем. Семен Иоганыч успокоился, начал бодро похохатывать.

— О-о-о! Ха-ха-ха. Белка живет в Березовой роще, и мы несем ей березу.

— Вам не попадет от жены, что потащили со мной березу?

— О-о-о! Нет. Она хорошая. Как это вы пишете рассказы, повести? — неожиданно переключился он на другую тему.

— Не знаю, пишу и все.

— Я тоже много лет пишу один рассказ. Когда я служил в Североморске, у меня был пес: дратхар континентальный. Удивительное существо. Заметок много, а рассказ не получается.

— Покажите при случае. Может, что посоветую.

— А-а-а! Ладно! Это я так. Каждому свое.

Царапка сразу начала бегать по дереву, когда еще я держал березу в руках и двигал, укладывая на шкаф и на багет окна. Кубик спрятался и наблюдал за моими действиями из-под кресла. Бабушка стояла в дверях кухни, сложив руки на груди:

— Господи, что ты такое придумал?

Тонкий конец пришлось немного обрезать. Не помещалась береза целиком в пространстве гостиной. Я положил толстый конец дерева на крышу шкафа, тонкий привязал к багету над окном. Ветки, согнувшись, уперлись в потолок, густо свешивались над тахтой. Береза была велика для нашей квартиры. Она заняла большую часть воздушного пространства гостиной. Но зеленый мост для белки получился хороший. Царапке нравилось. Бабушка ахала, вздыхала:

— Как же Эллен под этим деревом спать будет?

— Ничего, бабулия, как в лесу.

Очень быстро мы все это сделали. Кубик вылез из-под кресла, стал обнюхивать веточки, отрезанные от кроны. Царапка бегала по березе. Эллен вышла на середину комнаты, огляделась:

— Да, это слишком. Но менять ничего не будем.

Неожиданно пришли соседи, два брата. Младший Толик, работал электриком; старший, Володька, был старшим преподавателем в политехническом институте, читал лекции по философии. Они принесли иссиня-черного, огромного ворона.

— Возьмете? — спросил Володька. — Ему триста лет. Он Петра Первого помнит.

— А что с ним? — спросил я.

— Повредил крыло. Мальчишки его гоняли по двору. Возьмете?

В моем кабинете в углу стояло кресло. Мы положили на сиденье фанерку и посадили на нее ворона. Он вел себя спокойно, только изредка расправлял и складывал крылья. Одно крыло при этом до конца не раскрывалось. Но все равно, было такое впечатление, что он занимает все кресло.

После ухода братьев бабушка сказала:

— Скоро вам сюда приведут козу или корову.

— Молоко будет, — буркнула Эллен. — В самом деле, зачем мы ворона взяли?

Спать в одной комнате с вороном было страшновато. Я несколько раз просыпался. Он так скрипел клювом, как будто передвигал кресло.

Утром ко мне прибежала белка, но вертелась она около стола. А в другой угол, где сидел ворон, забегать не осмеливалась. А когда ворон в очередной раз заскрипел клювом и взмахнул крыльями, кинулась опрометью из кабинета. Не осмеливался приближаться к ворону и Кубик. Я тоже побаивался его, когда подсовывал ему еду. Он смотрел на меня сумрачно-черными глазами, будто из глубины веков.

Володька-философ зашел на следующий день один:

— Ну, как — ворон не начал разговаривать?

Уходя, он критически оглядел наше жилье. С потолка свешивала ветви береза, торшер был завязан синей майкой, и оба рукава свисали с абажура. Углы дверей были изгрызены. Растение «тещин язык» свисало обгрызенными плетями из горшочков на стене.

— Диоген жил в бочке на улице, а вы улицу тащите в дом, — пошутил Володька.

Звери боялись ворона, перестали забегать ко мне в кабинет. Да я и сам подумывал: куда бы мне перебраться? В конце концов, мы отнесли его в соседнюю школу, отдали в живой уголок

ВТОРОЙ ПОБЕГ ЦАРАПКИ

Еще в прошлом году ласточки свили над моим окном гнездо. Оно было прилеплено в левом углу прямо к раме и было похоже на комок грязи, из которого вдруг высовывалась черная головка, потом появлялась белая грудка и птица падала вниз, прочерчивая пространство за окном острыми крыльями.

Я сидел за своим письменным столом и часами наблюдал, как они прилетают и улетают.

С наступлением весны гнездо некоторое время пустовало. В один из солнечных дней бабушка зашла ко мне в кабинет, чтобы забрать корзину с мусором и выбежала в гостиную, радостно всплескивая руками:

— Ласточки прилетели!

— Бабулия, что вы так радуетесь? — удивилась Эллен.

— Не знаю, — ответила смущенно старушка.

К середине лета ласточки вывели птенцов. Открыть окно даже в самые жаркие дни я не мог, гнездо отвалилось бы. Форточку тоже не открывал, чтобы не беспокоить птиц. Хорошо, что в моей маленькой комнате было второе окно. Я его распахнул настежь, высунул по пояс — подышать ветром, посмотреть на летающих над парковой аллеей крикливых сорок.

Внизу у торцовой части магазина был асфальтированный спуск. Машины подъезжали прямо к подвалу, где был склад. Рабочие выгружали ящики, мешки, коробки, а потом из подвального склада на специальном подъемнике доставляли все это в помещение магазина. Иногда здесь же у дверей продавали живую рыбу из цистерны или яйца. Выстраивалась очередь, гудела. Я потому и не любил это окно: шум мешал сосредоточиться.

Сейчас очередь была небольшая. Я никак не мог понять, что продают. Стояла цистерна с квасом, но, по всей видимости, пустая. Продавца около нее не было. Люди толпились поодаль за сложенными горкой пустыми ящиками. И вдруг я увидел — на ящиках сидит белка.

Я вышел в гостиную. Дверь на балкон, конечно, была приоткрыта. Шторка на окне вздувалась от ветра, который проникал в небольшую щель между стеной и балконной дверью.

— Что ты там изучаешь? — спросила Эллен.

Она лежала под березой, читала книгу. Царапка состригла все веточки с дерева, остался белый ствол с разлохмаченной кое-где корой. По стволу наша рыжая попрыгунья бегала, как по мосту, со шкафа к окну и обратно.

— Ну, что ты там изучаешь? — повторила свой вопрос Эллен.

— Белка убежала.

— Не может быть.

— Почему же? Дверь на балкон открыта.

— Я только на минутку приоткрыла и все время следила. Она надо мной бегала.

— Посмотри сама.

Белка прыгала по ящикам. Люди толпились вокруг, не давали ей спрыгнуть на землю и убежать в сады через поблескивающие рельсы трамвайной линии. Она пряталась от них между ящиками, потом выскакивала наверх. Рабочий в синей спецовке подкрадывался к ней с перевернутым ящиком в руках, которым собирался накрыть зверька.

— Не трогайте ее! — крикнула Эллен с балкона.

— Чего ты кричишь? — одернул я ее. — Пусть бы поймал.

Рабочий остановился, поднял голову, разыскивая, откуда раздался крик. Над балконом вились ласточки, но нас там уже не было. Мы, обгоняя друг друга, бежали вниз по лестнице — спасать Царапку.

К ящикам я подбежал первым. Рыжий хвост нигде не мелькал между ящиками. Небольшая толпа людей переместилась к бочке с квасом. Оживленно жестикулируя, они что-то показывали друг другу. Рабочий в синей спецовке все еще держал ящик в руках. Он бросил его поверх других ящиков.

— Где она? — спросила Эллен, подбежав. — Здесь белка была. Где она?

— Ваша, что ль? Вы кричали?

— Да!

— В подвал убежала.

Обитые белой жестью ворота склада были приоткрыты. Эллен направилась к ним. Рабочий преградил ей дорогу:

— Туда нельзя.

— Она лесная белка, а не подвальная крыса. Она пропадет там.

— Без халатов нельзя.

Он скрылся за обитыми жестью воротами, вернулся с двумя синими халатами, пахнущими колбасой. Мы облачились в них, вступили под прохладные своды с незакрытыми коммуникациями вверху: водопровода, канализации, электричества. Мы прошли по всем неуютным помещениям склада. Белки нигде не было.

— Царапка! Царапка! Царапочка! — звала Эллен.

После этих слов мы замирали, прислушивались. Ни шороха в ответ, никакого шевеления между бочками, ящиками, коробками. Густая подвальная тишина звенела в ушах.

— Она давно у вас? — спросил рабочий.

— Да.

— А чего ж не откликается?

— А вы уверены, что она здесь? Вы не ошиблись?

Рабочий пожал плечами:

— Вроде сюда побежала.

— Вроде Володи на манер Андрюши, — пробормотала Эллен поговорку моей мамы.

Ворота склада закрыли на железную перекладину, навесили большой замок. Мы с Эллен ходили около дома, заглянули в парковую аллею.

— Семен Иоганыч, конечно, Бах, — сказал я. — А Сальери у нас, интересно, кто?

— Не смешно.

Во дворе дома Эллен остановилась и не пошла со мной в подъезд, а завернула к чужому подъезду.

— Ты куда?

Она не ответила. Я поспешил за ней. Вбежал в полумрак чужого подъезда и увидел, что ее рука уже нажимает кнопку звонка.

— Ну, что ты хочешь доказать? — крикнул я.

— Ничего, надо предупредить соседей.

На звонок вышла пожилая женщина в цветастом фартуке, слегка растрепанная, с мокрыми руками. Она их вытирала фартуком, стоя в дверях. Потом поправила прическу.

— Извините, — сказала Эллен. — У нас белка убежала. Не закрывай-

те, пожалуйста, форточку. И не пугайтесь, если полезет к вам. Она — ручная.

Так мы обошли все примыкающие к магазину квартиры на первом этаже. Соседи выслушивали нас сочувственно и обещали не закрывать форточки.

Только один старичок никак не мог уразуметь нашу просьбу. Слушая, что говорила Эллен, он подставлял ей рукой свое ухо и смотрел сквозь очки увеличенными, непонимающими глазами.

— Она убежала от вас весной? Я читал объявление на столбе. Вы до сих пор ее ищете?

— Нет, — терпеливо объясняла Эллен. — Она тогда нашлась. А сейчас опять убежала.

КУЗЯ ИЩЕТ БЕЛКУ

Два дня о Царапке не было никаких известий. В садах она не появлялась. В магазине ее никто не видел.

На третий день наш гастроном открылся, как всегда, в 8 часов утра. Небритые мужики в помятых пиджаках уже за час до этого слонялись около дверей. Они устремились к прилавку винного отдела. Дрожащими руками начали доставать из карманов помятые рубли и мелочь. Некоторые вместо денег принесли пустые бутылки. Они доставали их из дерматиновых сумок, ставили на прилавок.

Один, молодой, но тоже небритый, в маечке с короткими рукавами, пришел и без денег, и без пустых бутылок. Он топтался у прилавка, обнимая себя зябко обеими руками за плечи, и канючил:

— Валь, поверь. Ну, хоть маленькую, выручи. Я отдам, отработаю.

Это все были больные люди. Водка им была нужна как лекарство. Пышнотелая продавщица в белом накрахмаленном кокошнике на голове всех их давно знала, жалела.

— Алики вы, алики... Ты мне сколько должен?

— Отдам, Валь, отдам. — Выражение лица у молодого было искреннее.

— Учти, последний раз.

Она нагнулась, взяла из ящика бутылку водки, но поставить не успела. На прилавок вспрыгнула белка. Молодой протянул заранее руку за бутылкой и, увидев белку, попытался ее схватить.

— А-а-а! — тут же раздался его вопль.

Человек грубо схватил зверька и тот, защищаясь, вонзил ему в палец зубы. Молодой алик выронил белку. Она метнулась по прилавку, перелетела на прилавок соседнего отдела, где продавали сахар, печенье, конфеты.

Пышнотелая красавица из винного отдела взвизгнула и, необыкновенно возбудившись, закричала:

— Держите ее, держите!

Продавщица бакалейного отдела, тоже полная, но уже немолодая тетья, испуганно выбежала из-за прилавка в зал. Белка, пробежавшись по полкам и коробкам, снова прыгнула на прилавок. Подняв передние лапки и вытянув шею, огляделась. Остренькие ушки подрагивали, черные бусинки глаз выпукло вращались. Алики, растопырив руки, начали не очень расторопно ее окружать.

Мы спали, когда раздался длинный требовательный звонок. И затем — нетерпеливый стук в дверь. Я быстро натянул штаны, куртку успел надеть только в один рукав:

— Кто?

В дверях стоял продавец мясного отдела Миша. Он прибежал прямо в халате:

— Идите скорее! Белка в магазине!

Я схватил со шкафа клетку. Эллен взяла из вазы на кухне горсть грецких орехов — стучать, подманивать зверька.

Бабушка, Кубик стояли посередине комнаты, молча наблюдая за нашими действиями. Мы сбежали вниз по лестнице, пересекли пустой двор. В дверях магазина нас ждал Миша. По его огорченному лицу было видно — белка убежала.

— Все! Опоздали! — развел он руками.

— Что? Где? — спрашивал Эллен.

Он подвел нас к подъемнику. За прилавком колбасного и молочного отдела у стены чернела на уровне пола квадратная металлическая плита, на которой поднимали из подвала и опускали в подвал тяжести. Между краями плиты и полом оставались небольшие зазоры, сквозь которые был виден механизм подъемника.

— Юркнула туда, — показал Миша.

Пока продавец показывал подъемник, сзади топтался молодой алик. Ткнув Эллен в спину, он спросил:

— Ты — хозяйка?

— Что? Какая хозяйка?

— Гляди!

Он показал ей прокушенный большой палец. Из него все еще сочилась кровь. Ладонь была в крови.

Жалостливая продавщица из винного отдела подошла сбоку с бинтом и пузырьком йода, начала разглядывать руку.

— Не надо было хватать, — сказала Эллен. — Она у нас год прожила и никого ни разу не укусила. Сама приходила, садилась на руку, брала орехи.

— Твоя белка укусила. Плати! Все видели. Она прыгнула на прилавок, здесь не положено.

— Перебьешься!

— Нет, ты куда? Деньги давай!

Продавщица поймала его за руку.

— Стой, черт!

Из пузырька плеснула на палец йодом.

— А-а-а! — заорал укушенный.

— Нежный какой, — сказала продавщица.

Мы, огорченные, уходили из магазина. В дверях Эллен обернулась:

— А если бы крокодил на прилавок вылез, ты его тоже схватил бы? А маленькую белку можно, да? Загнали ручную белку под пол, в шестеренки, в механизмы железные...

В подвал нас пустили только во второй половине дня. Директор был на базе, ждали, когда приедет.

Тот же рабочий вынес нам те же синие халаты, пахнущие колбасой. И мы со своей клеткой и орехами оказались среди мешков, ящиков, коробок.

— Царапка! Царапка! — негромко позвала Эллен.

Никакого ответа. Мы передвигали коробки, ящики, чтобы заглянуть на полки стеллажей, в темные углы.

— Царапка, Царапочка, где ты?

Эллен обнаружила рулон бумаги, который белка исцарапала на глыбину в несколько слоев. Оторванные криво полосы изорвала на мелкие клочки.

— Она точно здесь. Она где-то здесь! — обрадовалась Эллен.

— Да, это она. Устраивала себе постель, — объяснил я рабочему.

Несколько раз мы обошли все помещения, заглянули в каждую щель, стучали орехами. Наша рыжая красавица не откликнулась.

— Вы говорите: ручная? Чего ж она не кажет вам свои уши? — спросил рабочий.

— Вас бы так схватили за шею, вы бы тоже спрятались, — сердито ответила Эллен. — Напугали ее. Можно мы клетку здесь оставим?

— Оставляйте.

— Она сама туда заходит. Начнет грызть орех, ее сразу будет слышно, как будто пилят: жи-жи-жи, жи-жи-жи. Тогда нужно подкрасться и захлопнуть дверцу.

— Прислушиваться мне некогда. У меня — работа.

— Мы заплатим.

— Буду поблизости — послушаю.

Я выбрал стеллаж поближе к выходу, поставил клетку с орехами на коробку с шоколадом.

Дома нас ждали бабушка и Кубик. Мы вернулись с пустыми руками. Бабушка ни о чем не стала спрашивать.

— Завтракать будете?

Мы сели к столу. Эллен долго молчала, потом озабоченно посмотрела на меня:

— Знаешь что?..

— Что?

— А что она там будет пить?

— Найдет.

— А что если поставить воду и подмешать туда снотворного? — предложила Эллен. — Она напьется и заснет. Тут ее и взять.

— Белка не станет пить воду с лекарством. Она сразу учует. Дикую природу нельзя усыпить таким способом.

— А где она там найдет воду? Она уже три дня без воды. И мы не догадались поставить в клетку баночку с водой.

— Найдет. Где-нибудь там кран есть, раковина.

— Вот — около водооя и надо было поставить клетку.

Потом в каком-то справочнике я прочитал, что без воды могут обходиться дольше всех не верблюды, а белки. Наблюдения за белками, проведенные в горах Мексики, показали, что эти зверьки могут обходиться без воды до трех месяцев. Я был поражен, да, по правде сказать, и до сих пор не очень верю этому сообщению.

Бабушка поставила перед нами тарелки с яичницей, корзиночку с поджаренными хлебцами. Эллен только один раз ткнула вилку в тарелку:

— Кузя! — крикнула она, испугав всех. — Кузя ее сразу найдет. Надо ехать за Кузей.

Она не стала есть, выпила чашку кофе и отправилась договариваться с директором магазина, чтобы пустил в подвал охотничью собаку. После

этого она поймала такси и через три четверти часа привезла Кузю. Я ждал их у подъезда.

— Кузя волнуется, — сообщила Эллен. — Он за километр чувствует белку. Вперед, Кузя, вперед!

Пес побежал по направлению, которое мы ему указали, вырывая из рук поводок. Так мы и притопали к подвалу, к воротам, обитым белой жестью.

Клетка на стеллаже стояла пустая. Орехи в ней лежали нетронутыми. Кузя в помещениях склада вел себя странно. Не бросался туда, где пряталась Царапка, не лаял. Столбик его хвоста растеряно мотался. Кузя оборачивался, поворачивал к нам свою морду-кувалду. Затем начал принохиваться к нашим халатам.

— Кузя, ты что? Ищи! Ищи! — требовала Эллен.

— Он сейчас вам найдет колбасу, — засмеялся рабочий.

— Оставьте ваши шутки, — нервно откликнулась Эллен.

— Здесь же кругом колбасой пахнет.

Мы вынуждены были прекратить поиски. Переставили клетку с орехами поближе к подъемнику. Налили в баночку воды.

— Если опять в магазин полезет, увидит клетку, водички попьет, — сказала Эллен.

Зашли домой. Кузя облаял березу, домик-ридикюль, но как-то неуверенно. Увидел Кубика. Тот не спрятался, как обычно под кресло, а сидел около тахты и отворачивал голову, чтобы не видеть нас и нашего гостя пса-охотника. При этом он тихонечко скулил и во всей его позе было что-то обиженное, тоскливое. В первый день он вроде не заметил исчезновения белки. А со вчерашнего утра постоянно скулил и лаял. Даже охрип.

Кузя ворвался в квартиру в своей страшной мускульной и жесткошерстной силе. Кубик при первом знакомстве не подал даже голоса из-под кресла. Теперь он отворачивал голову и скулил, не обращая внимания на фокстерьера. Он вел себя как тоскующий человек, которому все равно.

Кузя озадаченно сел напротив. Потом перешел поближе. Посидев молча и недоуменно на всех поглядывая, он вдруг проникся горем Кубика, поднял голову и печально и пронзительно залаял с подвыванием.

— Ну, вот еще мне хор плакальчиков, — сказала Эллен. — Вези Кузю домой.

Мы сели с псом в трамвай и поехали в центр города. В трамвае фокстерьер превратился снова в жизнерадостного энергичного пса. Мелькали за окнами трамвая дома, фонарные столбы. Я задумался и чуть не проехал нужную остановку. Кузя поднял такой шум, так начал тормозить меня за штанину, что я спохватился:

— Выходим, выходим! Пропустите!

Не понимаю, как он мог узнать свою остановку.

— О-о-о! — обрадовался Семен Иоганыч. — Сейчас будем чай пить. Эллен звонила. Не волнуйтесь, если белка в магазине, она найдется. Вопрос времени, надо уметь ждать и надеяться. Ха-ха-ха!

Мне хотелось сразу же уйти, но я посчитал это неудобным. Сделал слабую попытку отказаться:

— Хозяйка, наверное, устала после работы?

— Она еще не пришла с работы. О-о-о! Мы сами, сами. Леночка!

Появилась дочка Александрин. Застенчиво улыбаясь, сказала:

— Здравствуйте!

— Леночка, приготовь нам чайку с вареньем... Вы знаете, я написал вальс. Я потом вам покажу. А сейчас я вам покажу то, о чем мы говорили.

Рояль стоял тут же, в его комнате. Я уже слышал, как он на нем играет. Но не знал, что Семен Иоганыч может и музыку сочинять.

Леночка ушла на кухню — готовить чай и кормить Кузю. Хозяин, подпрыгивая около книжного шкафа, достал с верхней полки какие-то бумаги. Он отделил от них тоненькую стопочку разноцветных листов.

— Вот полюбуйтесь. Это мой рассказ о собаке. Записывал в разное время. Вы почерк мой понимаете?

— Да.

— Почитайте, почитайте, вы сразу поймете, какая история. О великой преданности. У меня усидчивости не хватает. Времени... О-о-о! Время! Где его взять!

Я добросовестно пытался читать разрозненные записи на отдельных листочках, но вникнуть никак не мог.

Зазвонил телефон. Семен Иоганыч снял трубку и послушав, протянул мне:

— Вас.

Я услышал голос Эллен:

— Степан принес ее.

— Степан?

— Рабочий, который ходил с нами. Он закрыл клетку. Услышал, как она пилит орех, подкрался и закрыл. Пришлось, конечно, заплатить. Я дала ему десятку.

Эллен радостно смеялась в трубку, и я тоже заулыбался.

— Семен Иоганыч, — сказал я, — ничего сейчас не сообщаю. Если позволите, я возьму эти листочки с собой? Дома внимательно посмотрю, а потом поговорим.

— О-о-о! Конечно. У вас такая радость. Идите! Идите. — Он махал обеими руками, провожая меня в коридор. — Хотите, я подарю вам эту историю? Напишите рассказ. Мне все равно некогда.

— Я посмотрю ваши записи, потом поговорим.

На остановке после рабочего дня толпилось много народу. Я с трудом протиснулся в прицепной вагон, и трамвай помчал меня из центра в Березовую рощу.

СВОБОДА

Кубик радовался возвращению белки. Наши верхние и нижние звери носились по комнатам друг за другом.

Бабушка постукивала двумя грецкими орехами, заманивала белку на кухню. Она подсовывала Царапке белые сухарики, печенье, тыквенные семечки. Рыжая красавица, став на задние лапки, брала передними все, что ей давали. А потом и сама начинала шарить. Залезала в мусорное ведро за арбузными семечками и махала оттуда хвостом. Эллен возмущалась:

— Бабулия, ну что вы ей позволяете?

Бабушка смущенно пожимала плечами:

— Она сама. Что мне ее, за хвост тащить?.. Вылезай, вылезай, тебе говорят. Видишь, попало нам с тобой. Ты не белка, ты хитрая лиса. Убежала из дома. Плохо тебе здесь?

Эллен прислушивалась к этому разговору из гостиной. После паузы заглянула на кухню:

— Ну, и что она вам ответила?

— Хорошо, — говорит.

Мы посмеялись. Но было ясно, что надо всерьез подумать о том, как ее удержать в нашей двухкомнатной клетке с балконом. Царапка узнала дорогу на улицу.

— Надо следить за балконной дверью и форточками, — сказала Эллен.

— Зачем? — спросил я.

— Чтобы не убежала.

— Она не может убежать. Два раза убежала и два раза ее поймали и принесли. В городе ей бежать некуда.

— Что ты имеешь в виду?

— Надо самим ее отвезти в лес.

— Вот-вот, приучить зверька, сделать его домашним, а потом бросить в чащу леса. Да его сразу там съедят.

— Кто?

— Волки, вороны.

— Посмотри на эту белку, — сказал я. — Разве это белочка-княгинечка? Она прыгает тяжело, как утюг. Мы ее раскормили.

Царапка прыгала по доске подоконника от стены к стене как-то нехотя, медленно. Ее толстый зад провисал между растопыренных лапок до самой доски и был похож на раскормленную утиную гузку.

Первую свою белку (черную) я застрелил из карабина. Вторую (черную) перехитрил, заставив сунуть голову в капкан. Похоже, и рыженькую, привезенную из Борисоглебска, я погубил, заставив жить в квартире.

Царапка перестала прыгать по доске подоконника, вытянувшись на задних лапках, она шевельнула остренькими ушами, прислушиваясь к звукам, доносящимся из кухни. Звякнула чашка о блюде, стукнула железная ручка чайника. Там бабушка собиралась пить чай с молоком, вприкуску с шоколадной конфетой «Мишка на Севере». Белка спрыгнула с подоконника, пробежала по краю тахты и юркнула в приоткрытую дверь кухни.

Некоторое время не доносилось ни звука. Эллен встала из кресла, подкралась к дверям кухни и заглянула. За столом сидела бабушка с чашкой в руке. Она откусывала маленький кусочек конфеты и запивала его несколькими глотками чая. А напротив, на столе, сидела белка на задних лапках. А передними быстро-быстро вертела конфету, сдирая с нее обертку.

— Бабулия, опять? — спросила Эллен.

— Она просит.

— Она не понимает, что ей вредно. Но вы-то понимаете?

— Она так просит. Как я сама буду есть, а ей не дам?

Царапка спрыгнула со стола и, не выпуская из зубов конфету, убежала на шкаф. Почувствовала: сейчас отберут сладость.

— Ну, все, милая, — сказал я ей, — это твоя последняя конфета. Ты в лесу их никогда не ела и была здоровенькая и стройная. А теперь ты задастая, словно корова. В лес! Тебе пора в лес!

— Жалко. Привыкла я к ней, — вздохнула Эллен.

— Ой, что вы? Я больше не буду давать ей конфеты, — пообещала бабушка.

— Не в конфетах дело. Давайте сядем и все обсудим, — предложил я. — Если отпускать, то надо делать это немедленно. Она должна подго-

товиться к зиме, найти подходящее дупло, запастись орехами, грибами, шишками. Ей нужно побегать по лесу, разузнать и запомнить, где будут под снегом лежать желуди.

Эллен согласно кивнула головой:

— Да, пожалуй, ты прав. Ей надо найти бельчука, завести бельчат. А здесь она проживет жизнь впустую.

Мы уже знали: брачный период у белок начинается зимой, в феврале. Белки, как и ее родичи, грызуны-суслики, — звери-одиночки. Настоящей семьи у них не бывает. Бельчата очень рано уходят из гнезда и начинают самостоятельную жизнь. Но все же только в лесу Царапка могла встретить красавца-бельчука с пышным хвостом-парашютом и продолжить вместе с ним свой величий род. Да и верно ли, что у белок не бывает настоящих родственных отношений? Весь этот год Эллен, бабушка, я и даже Кубик — все мы чувствовали, что являемся для Царапки семьей.

После двух побегов рыжая подруга стала проявлять повышенный интерес к балкону, который видела через стекло окна, когда прыгала по доске подоконника. Она спрыгнула на пол, потыкалась носом в закрытую дверь, попрыгала туда-сюда, приняюхиваясь к нижней щели, потом легла на пол и принялась грызть угол.

— Зря стараешься, — сказала Эллен, — не успеешь.

— Так ты согласна отпустить ее в лес? — спросил я.

— Нет, нет, я — против.

Последние дни августа были теплыми, солнечными. В небе летели почти незаметные, посверкивающие в лучах паутины. Моя мама, Валентина Михайловна, сестра Света и Аллочка подъехали к вокзалу раньше. Они стояли около газетного киоска, ели мороженное. Потом появились мы. Я нес клетку с белкой. Эллен тащила сумку с бутербродами и бутылкой шампанского. Сверху между ручек лежал свернутый клетчатый плед. Бабушка и Кубик остались дома.

Все вместе мы вышли на перрон. До электрички оставалось минут десять. Алла прыгала около клетки, пытаясь просунуть между прутьями палочку «Эскимо» с остатками мороженого.

— Отойди! — строго сказала Света.

Вагон электрички был грязный, неудобный. Мягкие сиденья заляпаны крест-накрест полосами белой краски, чтобы не сдирали кожу. Все равно, некоторые сиденья зияли свежими порезами, торчащей наружу изнанкой обивки.

Мы сели и стали смотреть в окно. Аллочка сидела напротив меня, играла с белкой, просовывала пальцы в клетку то с одной, то с другой стороны.

Медленно стал уплывать перрон, застучали колеса быстрее, быстрее. Городские строения промелькнули, потянулись бугры с порыжевшей травой, за ними виднелись холмы лесопарковой зоны. Крупно приоблизнились и мгновенно исчезли белые буквы платформ «Березовая роща». А потом по обе стороны от железнодорожных путей встал сосновый бор. Одна из станций так и называлась «Сосновка».

— Можно здесь выйти и выпустить белку, — предложила мама. — Тут полно шишек.

— Это дачные места, — возразила Эллен. — Мы должны отвезти Царапку подальше, в Графский заповедник. Там охраняемая территория, там есть специальные люди, которые заботятся о зверях.

Электричка часто останавливалась. Мы ехали долго, устали. Аллочка начала капризничать, перестала обращать внимание на Царапку. Наконец, показался виадук и оштукатуренный розовый павильон с названием станции «Графская».

Разлапистые сосны растопырили свои ветви прямо у станционных построек. За ними в отдалении возвышался темный бор. Макушки сосен, заканчивающиеся тремя растопыренными отростками, были похожи на короны.

По широкой песчаной дороге мы вступили вглубь темного бора. За каждым поворотом лес словно бы расступался, и высоко задравшие свои макушки мачтовые сосны стояли далеко друг от друга. Между ними были поляны, росли кустарники. Звенели голоса синиц. По толстому стволу сосны полз, орудя длинным клювом, клест. Где-то за деревьями стучал дятел. Потом он перелетел на дерево, стоящее у дороги, громко выкрикивая:

— Чек! Чек!

Мы увидели его красную головку, откинутую от ствола назад. Он вертел ею, продвигаясь вверх.

— Здесь! — сказала Эллен.

Я поставил у подножья высокого толстого ствола сосны клетку. Поглядел на всех:

— Ну?

— Открывай, открывай! — приказала Эллен.

— Чек! Чек! — закричал дятел, перелетая на другое дерево.

Белка заволновалась. Она вертелась в клетке, которая ей была тесна, но выйти не решалась. Потом выпрыгнула на желтый песок между торчащими на поверхности толстыми корнями и оказалась на свободе, как дятел, как клест, синицы, бабочки, муравьи.

Царапка обежала ствол, взлетела по нему на несколько метров. Мы подошли прощаться. Она юркнула по другую сторону ствола, потом выглянула. Эллен стояла ближе всех. Протянула руку, прикоснулась к взъерошенной спинке. Но погладить не успела. Царапка взлетела по стволу до первых веток. Было видно: то одна ветка качнется, то другая. А сама, рыжая, растворилась в лучах рыжего солнца, затерялась среди густых разлапистых веток.

Стволы могучих сосен стояли далеко друг от друга, а кроны их в синем небе соединялись. Ветки наверху перестали вздрагивать, качнулась одна на соседнем дереве — и все. Убежала Царапка.

— Прощай, Царапочка! — крикнула Эллен.

Аллочка заплакала, баба Валя прижала ее к себе, стала утешать:

— Ну, что ты, что ты? У нее будут детки. Она побежала к своим деткам.

Мы собирались раскинуть на земле плед, устроить пикник. Но ничего этого не стали делать. Эллен протянула мне бутылку шампанского. Она хотела, чтобы проводы белки были красивыми.

Я начал откручивать проволоку на обернутом золотой фольгой горлышке. Громкий хлопок прозвучал как выстрел.

Аллочка вздрогнула, баба Валя опять прижала ее к себе.

— Придумали какую-то стрельбу шампанскую! — сказала она.

И тотчас повела внучку на дорогу подальше от этого дерева и стреляющей бутылки.

Шампанское в пластмассовых белых стаканчиках было теплое, противное. Мы все же его допили, давясь. Я взял клетку и вышел на дорогу вслед за Аллочкой и бабой Валею. Эллен и Света быстро догнали меня.

СОБАЧЬЯ ГРУСТЬ

Мы вернулись домой, поужинали бутербродами, которые остались от пикника. Кубик весь вечер ходил за нами, принюхивался к запаху леса, который мы привезли с собой. Потом сел перед дверью в прихожую и начал скулить с подвыванием. Эллен топнула на него ногой:

— Прекрати!

Пес ушел под кресло и затих.

Утром бабушка налила ему в миску вчерашнего борща с кусочками мяса, позвала:

— Кубик!

Пес слабо шевельнул хвостом и остался лежать. Бабушка выглянула из кухни, подошла:

— Не хочешь есть? Что с тобой, кучерявый?

Пес смотрел на нее темным глазом, один раз моргнул.

— Ничего, проголодается, сам прибежит, — сказала Эллен.

Она торопилась на работу.

До вечера Кубик не вышел из-под кресла. Эллен вернулась с работы шумная, бросила на тахту сумку:

— Что тут у вас?

— Не ест, — сообщила бабушка.

Миска с борщом стояла у ножки кресла. Кубик лежал, отвернув от нее голову.

— Заболел? — спросила Эллен. — Ну-ка, иди сюда. — Она вытаскала его, взяла на руки, приложила ладонь к черной пипке носа, подержала: — Нос холодный — пес здоровый. Пойдем-ка, побегаем, нагуляем аппетит.

Но Кубик бегать не стал. На руках она принесла его домой. Пес снова залез под кресло и лег, положив голову на лапы. Эллен подсовывала ему под самый нос миску с едой. Кубик отворачивался.

— Может, у него «чумка»? — предположила Эллен.

Она посадила Кубика в сумку, повезла его в ветлечебницу.

Ветеринар «чумки» не нашел.

— Видите, движения не заблокированы, дыхание нормальное.

Эллен объяснила:

— У нас жила лесная белка. Он с ней играл. В прошлое воскресенье мы белку отвезли в лес.

— Да, да! — он выписал какие-то лекарства, сказал: — Попробуйте его кормить насильно. Алюминиевой ложкой разожмите зубы.

— Разве собака может так тосковать из-за белки, что отказывается от еды?

— Понимаете, у животных бывает это. Редко, но бывает.

Ветеринар кивнул нам и пошел мыть руки.

Дома Эллен постелила старый плед на кресло. Уложила на него лохматого Кубика, разгладила ему чуб, стал виден второй темный большой глаз.

— Ну, начнем, — вздохнула она. — Держи его крепко.

Я обхватил обеими руками исхудавшее (слабое под шерстью) тельце. Мне показалось, что у большого пса под пышной шерстью тела не больше, чем у белки.

Эллен разжала алюминиевой ложкой зубы, влила в пасть одну за другой две ложки куриного бульона с лекарством. Часть бульона проли-

лась на плед, остальное пес сглотнул. Все наши знакомые в тот же вечер узнали по телефону радостную новость:

— Александрин! Он съел две ложки бульона!

И на следующий день ей удалось, разжав зубы, влить две ложки бульона с лекарством. Мы кормили его так несколько дней, надеясь, что пес вот-вот сдастся и начнет сам есть. Но Кубик лежал, вытянувшись на пледе, и отказывался сам разжимать зубы. Его темный глаз, не закрытый чубом, становился все больше. Смотреть в глаза псу я не мог, чувствовал себя виноватым. Я подошел сбоку, хотел дружески погладить, чтобы хвост приветливо шевельнулся. Протянул руку и увидел: темные глаза, наполненные влагой страдания. Погасли зрачки, и роговицы вокруг них остекленели, поблескивали льдом.

— Эллиен! — позвал я. — Все!

Она не поверила, некоторое время тормозила исхудавшее тельце, потом отошла к окну.

Мы завернули его в кусок брезента и закопали на одном из холмов, в яме, оставшейся от выкорчеванного дерева.

Закончилась короткая собачья жизнь. Мы увезли белку в лес. Пес лег и умер. Все же я думаю, это было совпадение. Пес умер от «чумки» или от какой-нибудь другой болезни. Не мог он умереть из-за белки.

ЛЕСНАЯ ФОТОГРАФИЯ

Я вынес из квартиры березу с обгрызенными веточками. Эллиен сняла майку с торшера. В ридикюле нашлось мое пестрое кашне, которое пропало среди зимы. Никак мы не могли предположить, что белка затащила его к себе. Из посылочного ящика долго извлекали носки, шнурки, бинты, бумажки.

Все убрали, почистили квартиру. Не могли мы только исправить обгрызенные углы у дверей и книг. В квартире без наших нижних и верхних зверей стало чисто и скучно.

Радовали только ласточки над окном, сороки на деревьях парковой аллеи да вороны на островерхих крышах на противоположной стороне улицы.

Неожиданно позвонил Семен Иоганыч:

— Вы читали сегодняшнюю «Коммуну»?

— Нет, — сказал я, — политика меня не интересует.

— О-о-о! Ха-ха-ха! — задрезжала трубка. — Значит, вы ничего не знаете. Там опубликована фотография вашей белки.

— Какая фотография? Я им не давал.

— Они сами сфотографировали.

— Когда?

— В лесу! О-о-о! Ха-ха-ха! Хотите, я вам привезу газету? Прямо сейчас.

— Нет, нет, — остановил я его, — это долго. Мы у соседей возьмем.

Они выписывают все газеты.

Соседи успели раздрать один лист, но четвертая полоса сохранилась. И там, действительно, была помещена плохо пропечатанная, смазанная, фотография белки, сидящей на суку. Узнать на этом снимке нашу Царапку было невозможно. На суку сидела какая-то белка с длинными, странным образом загнутыми назад острыми ушами, с раздувшимися пушистыми щечками. Но когда мы стали читать корреспонденцию, сразу стало понятно, почему Семен Иоганыч позвонил нам.

«Эта белка живет в лесу, — писал егерь Ермолаев. — Но ее часто можно видеть во дворах центральной усадьбы Графского заповедника. По деревьям и заборам она пробирается к жилым постройкам человека и сразу начинает искать, в каком доме открыта форточка.

Зоотехник Селиванов И.Г. возил жену в город, в больницу. Его целый день не было дома. Белка забралась в открытую форточку и перетаскала из вазы на столе все конфеты и печенье.

А с наступлением прохладных осенних дней эта гостья из леса начала вытаскивать паклю из пазов между бревнами. Добралась и до моего дома. Кто-то ее спугнул. Белка второпях прыгнула на окно, поскользнулась на стекле и упала на землю.

Я выбежал во двор. Оказывается, белка спасалась от бросившегося на нее кота Васьки. Она сорвалась со стены, но теперь уже сидела на ветке дерева рядом с домом и «бранилась» на своего врага, сидящего на заборе. Она нервно крутила хвостом, громко цокала, но добытую из пазов паклю не бросила.

Я прогнал кота и тут же сфотографировал разгневанную белку.

Она долго не могла успокоиться, а успокоившись, наконец, убежала по веткам деревьев в лес — к себе домой.

То ли она успела сделать свой домик с «мягкой мебелью» для будущих бельчат, то ли испугалась кота Ваську, но после этого случая я больше не видел на центральной усадьбе рыжую проказницу».

Это была, скорее всего, наша Царапка. Мы отвезли ее именно в этот заповедник. Она и в лесу нашла дорогу к людям. И ее защитили, прогнали кота Ваську.

— Значит, не пропала? — спросила бабушка.

И у всех у нас целый день было хорошее настроение.

СЕМЕН ИОГАНЫЧ

Яхта Семена Иоганыча стояла в бухточке у Чернавского моста. Она была белая, изящная, чем-то похожая на его жену. Ну и, конечно, носила имя «Александрия».

Вместе с другими яхтсменами, студентами и преподавателями Воронежского университета он ходил на ней в дальние плаванья до устьев Дона и Волги плавал в Азовском и Каспийском морях.

Студенты юрфака, где он после отставки преподавал «гражданское право» называли его чуть-чуть насмешливо, но и любовно: «Адмирал».

По тем разрозненным записям на разноцветных листочках, что Семен Иоганыч дал мне посмотреть, я в конце лета написал рассказ «В собачьей жизни всякое бывает». Строчку для заголовка взял из стихотворения поэта Морозова, очень рано ушедшего из жизни. После неожиданной гибели Кубика у меня было грустное собачье настроение. И я изложил историю Семена Иоганыча как свою собственную. Не говоря ни слова автору заметок, я послал рассказ в еженедельник «Литературная Россия». Завотделом Галина Дробот очень быстро мне ответила коротким письмом:

— Будем печатать!

В сентябре, когда начались занятия в университете, Семен Иоганыч увидел рассказ и свою фамилию напечатанными. Галина Дробот не тро-

нула текст рассказа, но по старой редакционной привычке дала рассказу новое название: «Верность».¹

Семен Иоганыч скупил в газетных киосках семьдесят экземпляров пухлого еженедельника и начал дарить его всем своим знакомым: матросам спасательной службы яхт-клуба, врачам и медсестрам в гарнизонной поликлинике, студентам, преподавателям, соседям.

При встрече со мной замахал на меня руками:

— О-о-о! Это все вы виноваты.

Но творческого удовлетворения сдержать не мог и радовался, как мальчишка, что стал автором рассказа, напечатанного в столичном еженедельнике. Александрин посмеивалась:

— Знаешь, у тебя после этого рассказа появились молодые поклонницы.

— Какие молодые? Что ты выдумываешь?

— А твоя зубная врачиха.

— О-о-о! Ха-ха-ха! Это он во всем виноват, — замахал он на меня руками в своей обычной, добродушной манере. Было видно: ему льстит, что рассказ привлек к нему внимание молодой женщины.

В этот день Семена Иоганыча ждала на пристани тридцатилетняя блондинка, та самая «зубная врачиха». Она была в белом костюме с белой сумочкой. За руку ее держал мальчик лет семи в матроске и коротких штанишках. Одетый моряком мальчик собирался совершить свое первое плавание.

Дул ветерок, светило солнце. Замочек сумочки блондинки сверкал в лучах. Кузя радостно прыгал.

— Только мы плавать не умеем, — сказала женщина, приобняв мальчика за плечи.

— О-о-о! Ха-ха-ха! Плавать будет яхта. Кузя, успокойся. Видите, как ему не терпится. Кузя у нас не собака. Кузя — морской волк.

Это была давно придуманная шутка. Семен Иоганыч ее повторял всем новым знакомым. А они у него появлялись каждый день. Человек он был общительный.

Кузя прыгнул с мостков на яхту и начал носиться по ней. Гостья ступила на зыбкую палубу осторожно.

— Нет, я, правда, ой, плавать не умею.

Она немножко кокетничала с «адмиралом». Семен Иоганыч поддерживал ее за локоть:

— А мы, ха-ха-ха, тонуть не собираемся.

— Я никогда не каталась под парусом.

— Под парусом не катаются, а ходят, — уточнил «адмирал».

Женщина спустилась на несколько ступенек в кубрик, стояла, держась за надстройку, другой придерживала около себя мальчика. Просто стоять или сидеть на палубе ей было страшно.

Вышли из бухточки на моторе. Вверху на мосту между средними быками висели судоводные знаки, как знаки ГАИ на улицах города. Лодка заскользила под мост с поднятой мачтой.

— Ой, мы зацепимся! — заволновалась женщина.

Тень моста накрыла их. По обе стороны струилась черная вода. Мотор гулко стучал в замкнутом пространстве. Эхо быстро возвращалось назад, отталкиваясь от быков и ферм. От потока машин, едущих по мосту, настил содрогался, гудел над головой.

¹ Под этим названием рассказ печатается в конце этой истории.

Выплыли на чистую, сверкающую в лучах солнца воду. Река в этом месте была широкая. Ветер взрыхлял поверхность. Бежали навстречу белые барашки, чмокали о нос лодки.

Семен Иоганыч выключил мотор. Стало тихо, слышно было только, как чмокают волны. Ход лодки замедлился. Кузя бегал по палубе: с левого борта к правому и обратно. Облаял проплывший мимо куст травы. Женщина хотела его поймать, погладить. Но пес упруго вывернулся, пробежал мимо.

Семен Иоганыч занялся парусом. Лодка без управления перестала рассекать бегущие на нее барашки. Стала поворачиваться боком к волне.

Ветер был несильный, натягиваемый парус вяло хлопал. Но все же получился небольшой крен. Семен Иоганыч резко отставил ногу назад, чтобы удержат равновесие. Это неожиданное движение пересеклось с пробегающим по краю борта Кузей. Удар ноги получился не очень сильным и пришелся не в туловище, а в морду-кувалду. Но пес ошалело шарахнулся и по наклонной мокрой палубе соскользнул за борт. Раздался всплеск.

— Кузя! — обернулся Семен Иоганыч.

Пес, задрав бородатую морду, вытаращив глаза, быстро перебирал лапами в воде. Плыл он посередине реки за лодкой, которую медленно влекло течением в сторону моста. Приблизившись к яхте, он быстро-быстро принялся царапать борт, пытаясь вскарабкаться, но соскальзывал, волны раз за разом начали накрывать его с головой.

— Кузя! Кузя! — кричал Семен Иоганыч, прыгая на одной ноге, снимая штаны. Оставшись в одних плавках, он прыгнул в воду. Ему с трудом удалось оторвать пса от лодки, повернуть мордой в сторону берега:

— Плыви туда, дурень!

— А как же мы? — крикнула блондинка.

— Оставайтесь на лодке, я сейчас!

Пес и человек плыли поперек течения к левому берегу, который был ближе к лодке. Яхту медленно несло в сторону моста. Ветер трепал плохо натянутый парус, увеличивая скорость движения.

Семен Иоганыч и Кузя достигли берега. Оглядываясь на реку, кривоногий «адмирал» бежал по самой кромке в сторону моста. Пес не отставал. Он останавливался, чтобы отряхнуться, и снова догонял хозяина. По крутой, осыпающейся тропинке взобрались на мост. Накренившаяся под порывами ветра яхта была уже близко. Надо было успеть перебежать на другую сторону до того, как лодку швырнет на бык моста. Люди оглядывались на странного человека в плавках, бегущего из последних сил через мост. По осыпающейся тропинке по другую сторону шоссе «адмирал» и пес скатились вниз к лодочной станции спасателей. Семен Иоганыч прыгнул в моторку, где скучал матрос с биноклем на груди.

— Петя, заводи! Люди тонут!

Семен Иоганыч говорил, широко раскрывая рот. Кузя сидел у ног, высунув язык. Его бока часто-часто раздувались. Хозяин положил руку на морду-кувалду, но погладить пса не мог, не осталось сил.

Мотор взревел, лодка, задрав нос, стремительно заскользила, хлопая днищем о воду.

— Петя, давай жми! — говорил адмирал, задыхаясь.

Яхту удалось перехватить перед самым мостом. Матрос пришвартовался к ней, оттолкнул от быка на быстрину, и обе лодки, дрейфуя, вплыли в тень моста.

— Ну, вот и все дела, — сказал Петя.

Семен Иоганыч не ответил. Его лицо сделалось белым. Он был мертв.

Хоронили «адмирала», военного юриста и моряка, с армейскими почестями. Салют недружными выстрелами комендантского взвода разорвал тихое небо над кладбищем. Когда солдаты ушли, я подобрал теплую гильзу на том месте, где они стояли. Эта гильза у меня до сих пор лежит на письменном столе в воронежской квартире.

ВЕРНОСТЬ

Собаку звали Рекс. Необычно худой, поджарый, на длинных ногах, покрытый жесткой коричневой шерстью, с рыжей бородой и такими же усами, Рекс был больше похож на безрогого козла, чем на собаку. Его большие коричневые глаза, прикрытые золотистыми ресницами, виновато и грустно глядели на мир.

Кличка Рекс не очень подходила к нему, «рекс» — в переводе с латинского означает владыка, царь, а по внешнему виду пес был ближе к плебейам, чем к патрициям. Но как о людях, так и о собаках нельзя судить только по внешнему виду.

На осторожные вопросы охотников о породе Рекса хозяин обычно раздражался длинной тирадой о дилетантах, не разбирающихся в экстерьерах охотничьих собак. Сам он был твердо убежден, что Рекс принадлежит к лучшему представителям дратхаров континентальных.

Как и хозяин, Рекс был страстный охотник. Он мог сидеть часами неподвижно в зарослях кустарника на берегу озера или реки, не обращая внимания на мошкару, комаров, облепивших его с кончика носа до хвоста. Заметив приближение табунка уток, Рекс резко поворачивал рыжую голову с длинными бархатистыми ушами в ту сторону, откуда раздавался шум и, не двигаясь с места, следил за полетом уток, повизгивая от неумной охотничьей страсти.

После выстрела Рекс вскакивал и замирал в неподвижной стойке, вытянувшись вперед и поджав переднюю лапу. А после команды хозяина он спокойно входил в воду, высоко подняв голову, слегка похрапывая, плыл к месту, где грозно шлепнулась жирная кряква.

На охоте Рекс был неутомим. Даже осенью, когда озера у берегов покрывались тонкой корочкой льда, он безотказно шел в ледяную воду. Этот пес обладал редкой даже для охотничьих собак выносливостью. Работал он энергично, с каким-то особым подъемом, с радостью и заражал ею не только своего хозяина, но и других охотников.

* * *

Собаки бывают добрые и злые, вежливые и грубые. Рекс был добрым псом. Он обладал какой-то особой деликатностью и добрым отношением к людям напоминал своего хозяина. Если человек при встрече пугался, пес уходил с дороги, садился, отворачивал морду и смотрел в сторону, давая понять всем своим видом, что никаких плохих намерений он не имеет.

Семен Сирота — доцент Воронежского университета. Много лет служил на торговом и военно-морском флоте. «Верность» — первый его рассказ. «Литературная Россия» № 30 за 1970 г.

Как и все охотничьи собаки, Рекс был прожорлив. Однако, несмотря на вечно мучивший его голод, он никогда не попрошайничал. На длинных привалах пес отворачивался от жующих людей, ложился поодаль, закрывал глаза и всем своим видом показывал окружающим, что к еде относится совершенно безразлично. И только предательская слюна, капавшая изо рта на землю, говорила о муках голода.

Из чужих рук Рекс еду не брал. Ел только из своей миски, которую хозяин всегда носил в рюкзаке. Ел медленно, аккуратно, наслаждаясь каждой корочкой хлеба.

* * *

Поселок, в котором жил Рекс, находился на самом берегу Баренцева моря, в бухте, окруженной со всех сторон высокими остроконечными скалами. У подножия этих скал в беспорядке были разбросаны жилые домики и служебные помещения. В поселке было много других собак — лаек, овчарок и просто дворняжек. И все они, без исключения, враждебно относились к Рексу. Трудно объяснить, чем была вызвана эта лютая собачья ненависть. То ли его необычайная внешность не импонировала псам, то ли они были озлоблены на Рекса за то, что тот жил совершенно другими интересами, чем поселковые собаки, и не водился с ними. А может быть, их возмущала беспредельная преданность и бескорыстная любовь Рекса к человеку.

За всю короткую собачью жизнь у Рекса был только один хозяин — Юрий Петрович, молодой офицер флота. Каждое утро, когда Юрий Петрович шагал к пирсу, Рекс сопровождал его до самого трапа, у которого швартовались торпедные катера. На пирсе у пса было свое излюбленное место возле шкиперской, где лежали бухты старых просмоленных тросов. Положив голову на передние лапы, Рекс терпеливо ждал своего хозяина. Со стороны казалось, что пес сладко спит. В действительности же он зажимурился, чтобы к нему не приставали с разговорами и выражениями дружеских чувств разные люди, случайно или неслучайно проходившие мимо. Среди многочисленных шумов пес научился издалека различать гул мощных моторов торпедных катеров и еще до захода в бухту вставал и замирал в стойке, вытянувшись, как на охоте. И когда по трапу сбегал Юрий Петрович, пес вскакивал и большими прыжками несся к нему.

В отличие от многих других собак Рекс никогда не выражал своих чувств лаем. Даже в собачьих, злых драках, когда поселковые псы с остервенением нападали на Рекса, он, молча, не издавая каких-либо звуков, бросался навстречу нападающим. Через какое-то мгновение поселковые псы с визгом разбежались, а Рекс, постояв несколько секунд на месте схватки, где еще не улеглась пыль, отряхивался, догонял Юрия Петровича и занимал свое место у его левой ноги.

* * *

Так они жили неторопливо, размерено, подчиняясь уставу морской службы и нехитрому распорядку военного поселка. Но однажды случилось, что Юрия Петровича послали в командировку в большой город, где была консерватория, много театров и много красивых женщин. Через две недели, когда хозяин вернулся оттуда, пес радостно бросился к нему и стал обнюхивать, словно хотел убедиться, что все в порядке и с завтраш-

него дня начнется прежняя жизнь. Но, ткнувшись носом в руки, Рекс сразу почувствовал, что хозяин вернулся каким-то другим. Пес заволновался, он даже попробовал подпрыгнуть и лизнуть Юрия Петровича в лицо, чего раньше никогда не делал, но его друг отмахнулся и не понял собачьего вопроса и собачьей тревоги, и никак не объяснил запахи, которые привез на руках и в чемодане. Рекс долго обнюхивал чемодан, ткнул его носом и даже наступил на него передними лапами, как на поверженного противника, но чемодан был всего лишь вещью, которая не могла сопротивляться, и пес отошел и лег под столом.

А Юрий Петрович с этого дня совершенно изменился. Он стал каким-то суетливым, нервным, забывал выводить Рекса на прогулку и все куда-то звонил и кричал отчаянным голосом в телефонную трубку, потому что город, с которым он разговаривал, был далеко, а ветер качал провода и некоторые слова срывал на полпути, и они не долетали по назначению. Тогда он повторял их снова. Рекс лежал поодаль и презрительно щурился.

* * *

Варя приехала в конце лета. Все в доме было перевернуто, передвинуто, и пес долго не мог найти себе места. Он удивлялся, зачем Юрий Петрович разрешает этой женщине распоряжаться его вещами, и пробовал помешать, но был со смехом и шутками выдворен на улицу. Вечером его снова пустили в дом, ласкали, трепали за уши, но он был обижен и не тыкался холодным носом в ладони Юрия Петровича, как это делал всегда...

В общем, можно сказать, что Рекс вполне равнодушно воспринял появление Вари. Он относился к ней вежливо, как и ко всем остальным, кто приходил в дом к Юрию Петровичу, но не признавал в ней хозяйки. На ее команды, подаваемые звонким, певучим голосом, пес не реагировал, то ли не понимая, что от него требуется, то ли делая вид, что не понимает. Когда Варя слишком уж приставала к нему, он только пристально и бестолково смотрел на нее и вежливо помахивал обрубок хвоста. Варя окончила в большом городе театральную студию при оперном театре, но петь и играть ей не пришлось, потому что она встретила Юрия Петровича и решила во имя любви пренебречь призыванием и театром. И все в поселке воспринимали это как героический поступок, и с первого же дня стали с большой симпатией относиться к жене Юрия Петровича, и только один Рекс упорно и терпеливо находился в оппозиции.

* * *

Как-то вечером, когда Юрий Петрович увлеченно играл в шахматы с соседом, Варя накинула пальто и позвала Рекса на прогулку. Пес, как всегда, когда Юрий Петрович играл в шахматы или читал книгу, лежал под столом возле ног своего хозяина и дремал. Варя вторично позвала, он не шевельнулся и на этот раз. Тогда она решительно подошла к столу, схватила собаку за ошейник и с силой потащила к порогу. От неожиданности Рекс некоторое время упирался передними лапами, а потом зарычал тихо и злобно с едва сдерживаемой ненавистью и так угрожающе посмотрел в сторону Вари, что она с испугом отдернула руку и, резко повернувшись, ушла на улицу, хлопнув дверью.

Ночью Юрий Петрович и его жена не спали. Пес слышал, как за две-

рю Варя что-то доказывала громким голосом своему мужу, а утром Рекса переселили из дома в будку и посадили а цепь.

Первые минуты пес вел себя спокойно, но когда Юрий Петрович пошел к пирсу и не позвал его и даже не оглянулся, Рекс заволновался. Не понимая, в чем он провинился перед хозяином, пес громко и прерывисто залаял. Юрий Петрович ссутулил плечи и ускорил шаги, а за воротами горько сплюнул и пошел дальше мрачный, с опущенной головой. Он не хотел ссориться с молодой женой, и ему жаль было собаку. Мысли его наталкивались одна на другую, и неизвестно, что бы он придумал, но у самого трапа плавбазы его догнал Рекс. Пес был серый от пыли и часто дышал. Догнав Юрия Петровича, Рекс исполнил дикий танец радости вокруг него и, почувствовав прикосновение к ушам теплой руки хозяйки, сразу успокоился и, как всегда, деловито зашагал рядом у левой ноги.

Весь день Рекс провел у шкиперской, возле старых тросов, пахнущих солью, водорослями и другими волнующими запахами моря. А вечером у палисадника дома их встретила Варя. Пес, припадая к земле и поглядывая на нее тревожным взглядом, прошмыгнул мимо ног и сел у двери, виновато опустив голову.

— Надо уважать других и считаться с ними, а не только с собой и собакой, — тихо сказала Варя, глядя на Юрия Петровича и не обращая внимания на собаку.

Юрий Петрович ничего не ответил. Он подошел к Рексу, погладил его и попытался взять за ошейник. Но пес, словно поняв суть разговора, увернулся от его рук, перебежал через двор, сам залез в будку, забился в дальний угол и на все уговоры вылезти оттуда, жалобно повизгивал и ворчал.

* * *

Рекса не привязали, но с этого дня все в его жизни стало неопределенным. Он по-прежнему часто лежал в доме под столом у ног Юрия Петровича, но так же часто, когда хозяйина не было, отлеживался в конуре. Он больше не жил в доме, но и не жил во дворе, он лишился постоянного места и только на пирсе у шкиперской чувствовал себя хорошо и уютно.

Так прошло довольно много дней, собаки не умеют считать и не заглядывают в календарь, поэтому Рекс не знал, когда это случилось — в четверг, в пятницу или субботу. А случилось большое событие: приехали артисты Ленинградской филармонии. В доме с утра по этому случаю суетились, гладили одежду, разговаривали возбужденно, зачем-то передвигали мебель. Рекс, чтобы не мешать, ушел во двор и до самого вечера пролежал возле будки. А когда стемнело, и Юрий Петрович вместе с Варей торопливо вышли за калитку, забрался в будку, положил голову на лапы и тяжело, совсем по-человечески вздохнул, сам не зная о чем.

После концерта среди обычных гостей, посещавших дом Юрия Петровича и Вари, были и артисты, участвовавшие в концерте. Варя вместе с другими женщинами хлопотала на кухне, а мужчины, собравшись в тесный кружок, внимательно слушали завладевшего разговором Александра Лядова. Голос у него был приятный, а сам он был высокого роста, широкий в плечах, и вообще он сразу затмил всех местных офицеров, в том числе и Юрия Петровича.

Вместе с первыми гостями в открытую дверь прошмыгнул и Рекс. Однако, Варя, увидев собаку, голосом, не терпящим возражений, потребовала, чтобы Рекс был посажен на цепь.

Вместе с Юрием Петровичем пес нехотя вышел во двор. Пока хозяин был рядом, Рекс вел себя спокойно. Но только Юрий Петрович зашел в дом и закрыл за собой дверь, как пес, упираясь передними лапами в землю, стал порывисто дергать цепь. После нескольких неудачных попыток освободиться Рекс упал на спину, просунул лапу между ошейником и шеей и каким-то неуловимым движением сбросил ошейник. Затем он отряхнулся и через открытое окно прыгнул в дом. Чувствуя себя виноватым, пес украдкой прополз на свое обычное место под письменным столом и лег, положив голову на передние лапы. Однако сегодня он следил не за каждым движением хозяина, а за каждым жестом Лядова. Никогда не обманывающая интуиция подсказывала Рексу, что Юрию Петровичу грозит опасность именно с этой стороны, что в доме враг скрытый и потому опасный.

* * *

Женщины закончили свои хлопоты на кухне, и Варя пригласила гостей к столу. Лядов элегантно поклонился в ответ, но едва он взялся за спинку стула, как Рекс угрожающе заворчал и, выскользнув из-под скатерти, преградил гостю дорогу. Лядов нерешительно остановился, растеряно посмотрел на окружающих, затем ласково назвал собаку по имени и нагнулся, чтобы погладить и тем завоевать доверие. Но Рекс, попятившись, оскалил зубы и приготовился к прыжку. Он стал неузнаваем, глаза налились кровью, а самого била мелкая дрожь.

— Рекс, назад! На место!!! — крикнул Юрий Петрович и, схватив собаку за ошейник, водворил под стол.

Но Рекс не подчинился. Он переполз в угол комнаты, ближе к окну. Отсюда ему удобнее было наблюдать за усевшимся на стул хозяина Лядовым. Стоило гостю сделать резкое движение, протянуть руку за графином или хлебом, как Рекс поднимал голову, скалил зубы и глухо рычал. Для него исчез весь окружающий мир, кроме Лядова.

Кто-то из гостей сел за пианино. Начались танцы. Лядов встал из-за стола, подошел к Варе. Однако, едва он только взял ее за руку, Рекс в мощном прыжке бросился на артиста и опрокинул его на пол под ноги испуганно отшатнувшихся в разные стороны гостей.

Варя схватила собаку за ошейник и попыталась оттащить к порогу, но Рекс резко повернул морду и так оскалил клыки, что она тут же отдернула руку и, повернувшись к Юрию Петровичу, крикнула:

— Что же ты сидишь, как истукан, убери немедленно эту гадость!

Пес стоял над поверженным гостем в боевой позе и не подпускал к нему никого. Лядов лежал на боку, подогнув ноги и прикрывая лицо руками. Резкий окрик хозяина привел собаку в чувство. Рекс послушно отошел в угол комнаты.

Вечер был явно испорчен. Варя плакала на кухне. Юрий Петрович успокаивал обескураженного Лядова и просил у него прощения. Затем он, не заглядывая, как обычно, Рексу в глаза, взял его за холку и отвел в будку. Уходя в дом, ничего не сказал и даже не оглянулся. А на следующий день утром отвез его в питомник и оставил там навсегда.

Для Рекса началась новая, непривычная жизнь в обществе не очень любезных людей и еще менее доброжелательных собак, которые по малейшему поводу поднимали такой гвалт, что хотелось бежать от них сломя голову к морю, туда, где был пирс и уютная шкиперская.

Для Юрия Петровича наступившие вслед за разлукой дни тоже были тяжелыми. Он был очень привязан к собаке и молчаливо страдал оттого, что оставил преданного друга в питомнике.

Только Варя чувствовала себя вполне хорошо. Для нее с момента приезда в поселок труппы Ленинградской филармонии каждая минута была насыщена особым содержанием. Она ходила на репетиции, сама пела, ведь она тоже была артистка и сейчас, в минуты, когда оставалась с Юрием Петровичем одна, тихонько жалела о том, что судьба ее сложилась так неудачно. В последний вечер, во время прощального концерта, когда в антракте Варя пришла за кулисы, Лядов неожиданно предложил ей спеть вместе несколько арий во втором отделении.

Когда конферансье без каких-либо комментариев объявил о выступлении супруги Юрия Петровича и артиста Ленинградской филармонии, публика разразилась громкими аплодисментами. Все сразу поняли, что их выступление — коронный номер программы.

Варя, смущенная и в то же время гордая своей причастностью к большому искусству, к артистам Ленинградской филармонии, вышла на сцену, держа за руку Лядова. Тот кивнул повелительно аккомпаниатору, и Варя вошла, словно в холодную воду, в музыку Чайковского. Но взяв первые ноты арии Лизы, согрелась, голос слушался, она вся была в напряжении, как струна, вся звучала и на какое-то время почувствовала себя хорошо и уютно на большой сцене рядом с Лядовым.

Для того чтобы так петь, мало одного таланта, и все это сразу почувствовали и поняли. И кое-кто уже украдкой оглядывался на Юрия Петровича, который ничего не подозревал и ни о чем не догадывался.

И вдруг... тишина в зале была нарушена. В одном конце заговорили шепотом, в другом — вполголоса, заскрипели стулья, послышались шорохи, многие зрители, приподнимаясь с кресел, глядели, улыбаясь на сцену. В передних рядах раздался смех.

Наконец, увидел причину всего этого и Юрий Петрович. Из-за кулис, то появляясь, то исчезая, выглядывала бородатая морда пса.

Рекс, крадучись, медленно переставляя лапы, вышел на сцену. Пристегнутый к ошейнику поводок тянулся за ним, путаясь в ногах и мешая идти. Вид у Рекса был растерянный, и огромный зал, устремленный на него многими лицами, пугал его. Но он упрямо нагибал книзу голову и шел. Из-за кулис кто-то пытался схватить его за конец поводка. Но поводок уже был слишком далеко. Подойдя к Варе, пес присел, приподнял морду, сильно потянул в себя воздух и от нахлынувших запахов громко чихнул. В зале раздался взрыв смеха.

Только теперь до артистов дошло странное поведение публики. Варин голос зазвучал менее уверенно. Пианист, заметив на сцене собаку, сбился с такта и взял несколько фальшивых нот. Лядов оглянулся на аккомпаниатора и только тогда увидел рядом с собой Рекса. Артист инстинктивно попытался назад, на какое-то время скрылся за кулисами. Но на сцене осталась одна Варя, и он тут же вернулся, чтобы взять ее за руку и увести. Однако пес решительно преградил ему дорогу. Как боксер на ринге, он стоял, широко расставив лапы, и угрожающе скалил клыки. Рекс не нападал, он всем своим видом показывал, что является обороняющей стороной.

Кто-то догадался включить свет в зале и закрыть занавес. Юрий Петрович, расталкивая толпившихся в проходе людей, побежал прямо за

кулисы, а затем, махнув рукой, повернулся и пошел к пирсу. Ночью по боевой тревоге его вызвали в море. А наутро, когда он вернулся домой, он встретил на пирсе свою собаку, а у себя в квартире нашел записку, в которой Варя сообщала, что она уезжает с артистами Ленинградской филармонии.

* * *

Меньше чем через месяц началась война. С первых же дней немецкие самолеты стали регулярно бомбить поселок, и Юрий Петрович горько порадовался тому, что Варя уехала туда, куда немецкие самолеты не долетают.

Во время налетов вражеской авиации поселковые псы еще до объявления тревоги, только слышав звуки моторов, неслись в укрытия и убежища. Только Рекс не поддавался общей панике. Привыкший к выстрелам на охоте, он и тут, как только открывали огонь зенитки, проявлял свой инстинкт: смотрел в небо, словно ждал, когда какая-нибудь птица упадет на землю и ее можно будет взять в зубы. Поэтому именно на его долю выпала честь взять первого пленного со сбитого самолета.

Случилось это так. На третий день войны группа «юнкеров», зайдя со стороны моря, прячась в лучах солнца, незаметно приблизилась к поселку и с грозным воем спикировала на батарею. Первыми залпами зениток был сбит головной самолет. В суматохе боя никто не заметил, как от падающего самолета отделилась черная точка. Над самой землей раскрылся парашют, и немецкий летчик благополучно приземлился. Отстегнув стропы, он побежал было к лощине, но вдруг увидел мчавшегося на него огромного пса. Летчик остановился и поднял руки. Когда подбежали люди, они увидели странную картину. Рекс сидел и поглядывал на свалившегося с неба человека, а тот стоял перед собакой, высоко поднимая руки.

Пса водили по поселку как героя. Матросы, зенитчики, возбужденные успешным боем и первым трофеем, делились впечатлениями. Кто-то притащил целый бачок борща с мясом. Рекс спокойно вылакал борщ и, поглядывая с некоторым недоумением на окружающих его людей, неторопливо съел мясо.

А перед вечером он снова был на пирсе, где всегда поджидал своего хозяина.

* * *

К исходу дня торпедные катера стали возвращаться. По одному, по два, не снижая скорости, скрытые водяным валом и пеной, они с глухим ревом влетали в бухту и сразу же уходили в укрытие.

Не вернулся только катер, которым командовал Юрий Петрович. Словно почувствовал неладное, пес подбегал к каждому матросу, сходящему на берег, но люди печально опускали головы и старались поскорее уйти от собаки. Не встретил Рекс Юрия Петровича ни на второй, ни на третий день...

Пес остался без хозяина, но он не знал об этом и продолжал ждать Юрия Петровича на пирсе. Время потеряло для него всякий смысл. Ел он теперь от случая к случаю. Шерсть висела на нем клоچьями, а борода стала еще длиннее и нелепее. Его пытались взять в питомник и поставить там

на довольствие, но он сбежал оттуда. Кто-то придумал увести его подальше от моря. Пса посадили в самолет, и он улетел. Некоторое время Рекс жил у летчиков. Но с наступлением полярной ночи возвратился в поселок. Трудно было понять, как он сумел найти дорогу. На глазах у многих людей происходило то, о чем они только читали в книгах. Собака ждала хозяина, когда уже никто в поселке его не ждал.

В конце концов, когда весть об этой собаке дошла до командующего флотом, — Рекса поставили на довольствие в питомнике. Еду ему приносил матрос прямо к шкиперской и никакой службы не требовал. Другие собаки, получающие такой же паек, сторожили арсенал, а единственной обязанностью Рекса было — ждать. И он, удивляя все побережье, ждал. Его некогда смешная, а теперь печальная морда постоянно была обращена в море, куда уходили и откуда не всегда возвращались боевые корабли. И все матросы уже привыкли к тому, что их встречает бородатый пес, и верили в него, как в хорошую приметку. Тот, кого ждут, обязательно возвращается. А людям казалось, что Рекс ждет не одного Юрия Петровича, а всех матросов, которые не на жизнь, а на смерть сражаются в полярном море с немецкими самолетами и подводными лодками.

* * *

Летом 1944 года, когда яркое полярное солнце круглые сутки грело стокославшуюся по теплу землю, в расположение позиций, занимаемых батальоном морской пехоты, приехала фронтовая бригада Ленинградской филармонии. Среди артистов была и Варя. Сойдя с машины, она с трудом разыскала то, что осталось после бомбежек от финского домика, где она жила перед войной с Юрием Петровичем. Варя долго стояла у края воронки, прислонившись спиной к почти повалившемуся забору, и матросы со свойственной им деликатностью, молча, обходили ее стороной.

О смерти Юрия Петровича она узнала еще в сорок втором году. Лядов к тому времени уже выступал с другой бригадой, на другом фронте. Они расстались довольно легко, без сожаления и упреков, и уже в письмах договорились о том, чтобы никогда больше не встречаться. На короткое время от тоски и одиночества Варя сошлась с пожилым виолончелистом из оркестра Большого театра. И когда он добровольно ушел на фронт, пыталась даже его ждать. Но у виолончелиста были жена и дети, и какая-то бабушка в Симферополе, и ожидание по праву принадлежало им, а не ей. Война многое разрушила, но и многое ставила на свои места.

Варя осталась одна, научилась молча тосковать, и за все эти годы то ли от горьких папирос, то ли от другой какой горечи у ее губ залегли горькие складки. Она и сейчас попросила спичку у проходящего мимо матроса и жадно закурила. Варя не успела оформить свой развод с Юрием Петровичем и сейчас, у края воронки, образовавшейся на месте их уютного дома, чувствовала себя немножко вдовой, и от этого ей было чуточку легче жить на свете.

Собаку она увидела еще издали, но не сразу придавала этому значение, а так... скользнула взглядом и задумалась. И только оказавшись рядом и уже пройдя мимо, вдруг обернулась и неуверенно сказала:

— Рекс?

Пес не шевельнулся, потому что не понял, то ли она его позвала, то ли спрашивает, как его зовут.

— Рекс! Рекс! — уже более уверенно повторила Варя.

Пес подошел, ткнулся носом в пальто, позволил себя погладить и потрепать за уши. Был он весь безнадежно бездомный, и у Вари зашлось сердце от печали. Никогда она раньше не любила животных, но сейчас была счастлива до слез, что пес ее узнал. Она присела перед ним на колени и все гладила, гладила его и заглядывала в слезящиеся глаза. Рекс не сопротивлялся, но и не проявлял никаких ответных чувств. Он просто терпеливо стоял и изредка встряхивал ушами.

Со стороны арсенала пришел с котелком дежурный матрос. Был он совсем еще молоденьким мальчишкой и во время своих дежурств со всеми штатскими на берегу обращался по-военному строго.

— Гражданочка, отойдите, — сказал он. — Мне надо покормить собаку.

— Это же Рекс, он меня узнал, понимаете, — ответила ему Варя, вставая с колен. — Я жена хозяина этой собаки.

— Не знаю никакой жены, — возразил матрос. — Это собака военно-морских сил.

— Это моя собака, — сказала ему нервно Варя, — и я намерена забрать ее с собой.

Она сказала это просто так, потому что была возбуждена, но тут вдруг подумала, что хорошо бы действительно забрать Рекса.

Молоденькому матросу не понравился такой разговор, и он потребовал уже решительно:

— Отойдите!

Пес между тем занялся котелком, а Варя и матрос так и стояли друг против друга, пока он ел. Варя смотрела, а матрос словно бы охранял аппетит собаки военно-морских сил.

* * *

Вечером, перед началом концерта, Варя предприняла первые шаги. Лейтенант, который опекал артистов, представил ее коменданту поселка, и она заговорила о том, что хочет забрать собаку. Немолодой офицер хмуро все выслушал и ничего не пообещал.

— Вы же понимаете, что значит для поселка эта собака, — сказал он. — О ней знает даже командующий.

Варя полезла в карман пальто, чтобы достать паспорт. Она хотела объяснить этому человеку, что в паспорте есть печать, которая давала ей право на аттестат и даст, может быть, право и сейчас получать какие-то деньги за Юрия Петровича. Но ей ничего не надо, кроме Рекса. Она готова была даже расплакаться, но коменданта отвлекли, он извинился и вышел, и Варя осталась наедине со своими мыслями и чувствами.

Концерт прошел, как всегда, с успехом, матросы дружно хлопали, хлопал вместе со всеми и комендант поселка. В общем, атмосфера после концерта создалась такая, что никто ни в чем не мог отказать артистам. И когда Варя снова заговорила о Рексе, комендант только кивнул головой и стал советовать ся со своим адъютантом, как это лучше сделать. Но одного простого согласия было недостаточно, и на другое утро, не позавтракав и даже забыв выкурить свою неизменную папироску, Варя бегала, выписывая и подписывая документы, которых у Рекса оказалось больше, чем у нее самой.

Измучившись вконец, она все, что надо, оформила. В последнюю минуту заупрямился администратор труппы, сказал, что не повезет, за

здорово живешь, собаку. Варя уломала и его. И только одного она не учла, что самому Рексу все это может не понравиться. Когда «студебеккер» с артистами подъехал к пирсу, пес был на своем обычном месте. Варя открыла дверцу, подбежала торопливо к собаке, потому что администратор уже поглядывал на часы, схватила Рекса за ошейник и уже повернулась лицом к машине, но тут произошло непредвиденное. Пес резко рванулся, и в руках у Вари оказалась истлевшая кожа ошейника. Испугавшись, что пес убежит и его придется ловить, Варя не раздумывая схватила его за шею обеими руками и оглянулась, чтобы позвать кого-нибудь на помощь. Артисты вместе с администратором сидели в кузове, они смотрели на все, что происходило на земле с любопытством, но без сочувствия. Никто не захотел ей помочь. Рекс вырвался и зарычал. Варя попыталась еще и еще раз схватить пса и подтащить к машине. В конце концов, он довольно зло зарычал и чуть не укусил Варю. Тогда она села прямо на камни и заплакала:

— Черт возьми, мы же опаздываем, — сказал с досадой администратор и перебросил ногу через борт машины.

Из кабины выпрыгнул шофер:

— Заходите с той стороны, — сказал он артистам и администратору, — а я с этой. Сейчас мы его в два счета.

— Не надо, — вдруг сказала Варя.

— Ну вот, давно бы так, — пробурчал администратор и убрал ногу в кузов.

— Он должен ко мне привыкнуть, — объяснила Варя. — Подайте мои вещи.

Артисты и администратор стояли в кузове, Варя — на земле. Она смотрела на них снизу вверх и протягивала руки за своим чемоданом.

— Что? — возмутился администратор.

— Я должна остаться, он должен ко мне привыкнуть. Я приеду завтра или послезавтра...

Машина с сердитым администратором, шофером и артистами уехала, а Варя осталась на пирсе со своим чемоданом. Ни через два дня, ни через месяц она не уехала отсюда. Артисты Ленинградской филармонии через некоторое время с удивлением узнали, что она устроилась кассиршей в военторге.

В арсенале пса сняли с довольствия, все документы были на руках у Вари, и она стала сама приносить ему еду два раза в день. А по вечерам приходила просто так, чтобы поговорить, погладить, попробовать завоевать доверие. Пес вел себя настороженно. Но Варя не теряла надежды, ей была очень нужна дружба Рекса, дружба собаки, которая умеет ждать.

